

Трилогия
в одном
томе

ИАР ЭЛЬТЕРРУС

Бремя императора

Москва, 2012

ИАР ЭЛЬТЕРРУС

Трилогия
в одном
томе

- Тропой мастеров •
- Скрытое пророчество •
- Навстречу судьбе •

Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Э53

Серия основана в 2005 году
Выпуск 46

Художник
С. А. Григорьев

Эльтеррус И.
Э53   Бремя императора: Тропой мастеров; Скрытое пророчество; Навстречу судьбе/ Послесл. И. Черного. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 799 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-0043-0

Что делать, если волей Создателя ты рожден в империи, где никто не знает императора в лицо? Где императором может оказаться любой встречный бродячий горшечник, старьевщик из лавки на углу или хорошо знакомый трактирщик дядюшка Повит. Где магия привычна и повседневно. Что делать, если ты молод, за душой ни гроша, только титул, два меча, боевое мастерство и мечта сделать в жизни что-нибудь важное, что-нибудь нужное людям? Возможно, просто следовать своей судьбе? Ведь она вполне может дать тебе крылья, может помочь найти настоящих друзей и настоящую любовь, может заставить познать то, что знают очень и очень немногие. И даже способна сделать тебя исполнителем древнего пророчества и возвести на престол...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0043-0

© Иар Эльтеррус, 2008
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2008

• Тропой мастеров •

Послушай, брат, пред нами мир
Звенит сплетением путей,
Чтоб не увязнуть в пустоте,
Один из множества прими.

Есть в их числе дорога зла,
И путь покоя и тепла,
И поиск гордой правоты,
И свет всесия мечты,

Есть путь закона и клинка,
И скорбный путь еретика,
И долг пророка — жечь сердца
И чудотворный дар певца.

Тропа войны — остыть в крови,
И путь спасительной любви,
Дорога веры, жажда знать...
Что толку все перечислять?

Послушай, брат, дано судьбой
Живущим право выбирать
Стезю и цель, мечту и боль,
И выбор истиной считать.

Но как понять — где свет, где мрак,
Кому сподвижник ты и враг?
Как различать добро и зло,
Попавшись в сети мудрых слов?

Ведь проповедники сильны
У той и этой стороны.
Кого отринуть, что принять?
Как трудно это — выбирать!

Какую цель назвать своей,
Когда вопроса нет важней?
Ни слов не слушайся, ни цен —
Судить по средствам стоит цель.

Полина Черкасова (Мисти)

Глава 1

СКОМОРОХ

Легкий весенний ветерок гулял над просторами Элиана. Он весело пытался сдуть сено с подвод усталых крестьян, приподнимал подола юбок взвизгивающих от такой бесцеремонности девушек, перелистывал страницы забытых книг. Да и то, разве в такую погоду за книгами усидеть? Куда там! Школяры и студиозусы так и норовили удрать от строгих преподавателей и повеселиться на славу, на что те часто закрывали глаза, вспоминая собственную молодость. Куда только не залетал этот ветерок! От жаркого Форт-Астара на границе с Великой Степью до холодного Сартидара на Орванском перешейке проносился он, по всем просторам древней империи, и везде озоровал. Чаще всего люди смеялись шалостям летнего ветерка, но находились и сердитые личности, которые злобно ругались, когда он сдувал им шляпу или трепал волосы. Что ж, бывает. Люди на этом свете живут очень разные, никогда не поймешь, чего ждать от человека, пока не съешь с ним вместе пуда соли.

В главном порту Тарсидара, торговой столицы Элианской империи, ветерок развеивал и дергал штандарты сотен кораблей со всех концов страны. Однако здесь были не только элианские барки, шхуны и бриги. Частенько зеваки могли видеть кургузые галеоны Карвена, быстрые и узкие ландеры Нартагалья, огромные, четырехмачтовые, а то и пятимачтовые грузовозы Даркасидара. Раза два в месяц заходили даже черные броненосцы орков, но их в Элиане, несмотря на союз, заключенный еще Завоевателем, не слишком любили, и всеми силами эту нелюбовь демонстрировали. Краснолицые, клыкастые уроды отвечали элианцам тем же и старались без крайней необходимости не заходить в порты империи.

У десятого причала пришвартовалась небольшая шхуна, пришедшая с Манхена, соседнего материка, почти превратившегося в элианскую колонию. Лет триста империя без особой спешки присоединяла к себе земли варваров, а вожди варварских племен становились элианскими аристократами. Их никто не притеснял, наоборот — предоставлялись все возможные льготы. На новые земли хлынул поток переселенцев, многие надеялись найти там свое счастье — с переселенцев целых пятьдесят лет не брали налогов! Кто-то находил это самое счастье, кто-то погибал в стычках с дикарями и хищниками, кто-то умирал от голода и холода.

Элиан надвигался на Манхен с каждым годом все упорнее и упорнее. Имперские маги-инженеры прокладывали прямые каменные дороги между городами и селениями колонии, гвардейские полки под руководством горных мастеров боевого братства приводили к покорности дикарей, не пожелавших добровольно стать имперскими подданными. Но даже в последнем случае оставшихся в живых не ограничивали в правах.

— Куда прешь?! — рывкнул на попытавшегося сойти на берег со шхуны долговязого молодого человека портовый стражник. — Погоди, сейчас господа таможенники подойдут, потом сойдешь.

— Ты это мне, воин? — удивленно спросил юноша.

Только тут стражник обратил внимание на потертый пояс путешественника и выругал самого себя за невнимательность. Судя по цветам и золотому шитью, сынок кого-то из манхенских варварских царьков, ставших высокими лордами. Но оттого — не менее опасный, ведь по законам Элиана юнец — полноправный младший лорд империи, которых обычно называли светлыми, и имеет полное право собственноручно наказать оскорбившего его простолюдина. Не до смерти, но получать зуботычины пожилому стражнику вовсе не хотелось.

— Простите, молодой господин! — низко поклонился он. — Не судите строго, недосмотрел, что вы светлый лорд. Добро пожаловать в Тарсидар! Но по закону вы обязаны зайти к префекту таможни...

— Знаю! — скривился юнец. — Прошу тебя об услуге, воин. Подскажи недорогой трактир. Чтобы кормили неплохо и комнату снять можно было.

Стражник усмехнулся себе в усы — доводилось уже встречаться с уроженцами Барталадарских гор, и он прекрасно знал, что

денег у горцев мало. Этот, хоть и сын высокого лорда, ничем от своих соплеменников не отличается, такой же нищий. Он снова внимательно оглядел юношу. Невероятно носат, нос походит скорее на кривой клюв коршуна. Серые глаза спокойны и ироничны, наивные провинциалы так не смотрят. Да и красив, девушки на таких заглядываются, даже нос его не портит. Двигается как дикий кот, сразу видно, что горный мастер.

Стражник поискал глазами черный шнурок на левом плече горца, нашел его на положенном месте и удовлетворенно кивнул. Запрещено мастерам боя ходить без шнурка, еще первым императором запрещено. Потом взгляд упал на обтянутые шершавой кожей мерха¹ рукояти картагов, торчавших из-за плеч юноши. Они тоже сказали о многом. Продав один такой меч, вполне можно купить десяток трактиров вместе со всем их содержимым. Только вот не найдется безумца, способного продать картаг. Эти мечи — живые, каждый ученик горного мастера кует свое оружие сам под надзором учителя и мастера-кузнеца боевого братства. Так что с самого рождения меч неразрывно связан с владельцем. Украсть живой меч после проведения всех обрядов не мог никто, вор умирал в страшных муках, а клинок возвращался к хозяину. Тем или иным образом, но возвращался всегда.

До сих пор стражник видел два картага только у одного человека — у старшего наставника боевого братства, Элоиза Кертала. Но старик занимает самую верхнюю ступень в боевой иерархии Тарсидара, а тут вдруг юнец с двумя призрачными мечами. Удивительно. Кто он? Мастер двумечного боя? Такой молодой? Мальчишке ведь никак не больше восемнадцати, ну, может, двадцати лет. Что ему понадобилось в торговой столице? Обычно подобные ему в Тарсидаре не задерживаются, им всем в Элиандар надо, ко двору канцлера.

— Дык дело житейское, молодой господин,— степенно ответил пожилой воин.— Найдется, конечно. Вы на южную окраину подите, там энтих трактиров, как грязи. Но как по мне, лучше «Пьяного борова» найти трудно. Какая свинина там! А эль какой... Эх! У тамошней хозяйшки руки золотые.

— А где таможня?

— Да вон тот здоровенный домина. Спросите на входе префекта Корфина, он приезжими господами ведает. Все сделает,

¹ М е р х — напоминающее небольшого ящера животное, шершавая шкура которого использовалась в Элиане для изготовления рукоятей мечей.

как надо. А как в трактир придете, скажите хозяину, папаше Дорфиту, что вас к нему старина Мерт послал.

— Спасибо тебе, воин! — улыбнулся юноша, перекинул котомку через плечо, едва не задев рукоять одного из мечей, и зашагал в сторону таможни.

Стражник долго смотрел ему вслед и задумчиво покачивал головой. Почему-то казалось, что скоро он об этом парне еще услышит, такие неизвестными не остаются. Или очень быстро гибнут. Приятно, к тому же, что удалось кое-что выгадать. Коли юнец доберется до «Пьяного борова», папаша Дорфит стражнику за молодого лорда добрый десяток кружек лучшего эля бесплатно поставит.

Ну вот! Детская мечта сбылась. Метрополия! Лек торжествуяще рассмеялся, не обращая внимания на удивленные взгляды прохожих. Какое ему дело до них! Пусть себе смеются. Юноша жадно смотрел на высокие дома за пределами порта. Вдалеке виднелся шпиль императорской башни, возвышающейся на добрых шестьсот локтей, освещающей по ночам город. И это только второй по значимости город империи? Какова же тогда столица, знаменитый на весь мир белокаменный Элиандар? Впрочем, чего гадать, отсюда он отправится именно туда. Сам все увидит. Вспомнив рассказы учителя манер, мэтра Менхема, Лек насмешливо фыркнул. Если верить этому старому чудаку, в великом городе едва ли не золотом мостовые вымощены, а люди добры, мудры и справедливы. Но это он явно нафантазировал, люди остаются людьми — хоть в горном селении, хоть в столице. Всегда найдется какая-нибудь сволочь, портящая жизнь окружающим.

Дома Леку ар Сантену, младшему сыну высокого лорда, ничего, кроме титула, не светило, да и особым богатством его отец не отличался. В молодости он был вождем небольшого племени Легконогих и одним из первых принес клятву верности императору, став высоким лордом Элианской империи. Причина такого поступка оказалась очень проста, хотя знали о ней только ближайшие родственники, предпочитавшие не распространяться о неприятном прошлом. Небольшому роду грозило полное уничтожение — огромный племенной союз Гремящих ополчился на него и объявил кровную месть из-за мелкой обиды. Войну на уничтожение.

Повезло, что очень кстати подошедшие к самым Барталадарским горам имперские полки решили для начала разослать по

слов, а не сразу атаковать. Гремящие гордо отказались переходить под руку какого-то там неизвестного им императора, зато молодой вождь Легконогих с радостью ухватился за предоставленную возможность стать подданным сильного владыки. И где теперь те Гремящие? И памяти о них не осталось — имперцы выступили в защиту нового высокого лорда и без особого труда перебили горцев.

Поняв, что столкнулись с силой, бороться с которой не в состоянии, остальные племена тоже принесли Элиану клятву верности. Но поскольку Легконогие оказались первыми, только их вождь получил титул высокого лорда и по имперским меркам стоял в бархатных книгах много выше вождей больших и богатых племен, ставших обычными баронами, графами и виконтами. Это, понятно, безмерно их раздражало и вызывало зависть, а порой и ненависть. Но покушаться на привилегии высокого лорда? Надо быть безумцем — он имел право позвать на помощь не только войска императора, но и самих эльдаров. Однако за полторы тысячи лет существования Элианской империи такое случилось всего дважды: ведь рыцари престола судили беспристрастно, наказывая только виновных. Даже если виновной оказывалась вызвавшая сторона.

Несмотря на титул, бывший вождь маленького племени, а ныне высокий лорд Кетван ар Сантен, остался почти нищим. Что у него и было-то? Разве что родовой замок, созданный имперскими магами-инженерами из высокого пика. Да стада коз и овец. Правда, в последнее время, после начала разработки месторождений самородного серебра неподалеку от замка, положение начало понемногу выправляться, но до богатства роду ар Сантен было еще очень и очень далеко. Порой семья лорда питалась тем же, что и окрестные пастухи, — козьим сыром, тертыми лепешками, мелким чесноком и кислым элем, который варили из диких злаков. Кроме горцев, пить его не мог никто: у непривычного к этому питью человека оно могло вызвать рвоту, а то и отравление.

Поначалу свободные племена трудно привыкали к новой жизни, хотя их свободы никто не ограничивал, только обязали соблюдать Уложение. Так называли свод законов Элианской империи, основу которых заложил еще первый император, Элиан Завоеватель. Каждый последующий император добавлял в них что-нибудь свое, но суть осталась неизменной. Иноземцев Уложение изумляло — каждый подданный империи обладал правом на жизнь и свободу, рабство было строжайше запрещено, за по-

пытку закабалить человека виновного ждала казнь вне зависимости от социального статуса. Власть аристократов была жестко ограничена, и многих из них это сильно раздражало. Но умные люди предпочитали ограниченную власть в огромной империи, раскинувшейся на две трети мира, а не абсолютную в маленькой страничке, которую мог легко захватить любой из соседей.

Младшие сыновья бесчисленных аристократических родов охотно шли служить в гвардейские полки. Вскоре после аннексии Манхена их примеру последовали многие из молодых горцев. Они уходили в лучшие подразделения имперской армии и часто достигали высокого положения, считая честью служить самому могучему вождю мира.

На поиски своей судьбы отправился и младший сын высокого лорда Кетвана ар Сантена.

Лек, насвистывая незатейливую мелодию, вышел за ворота порта и довольно потянулся. Формальности оказались настолько простыми, что он справился за четверть часа. Пожилой, но жизнерадостный чиновник, назвавшийся префектом Корфином, просмотрел документы молодого аристократа из колонии, внес его имя в книгу новоприбывших и сообщил, что Лек обязан поступить на службу в случае войны. Юноша узнал также, что горным мастерам запрещено ввязываться в дуэли, и это ему совсем не понравилось. Но префект прав: если носящий шнурок выйдет против обычного человека, то дуэль превратится в откровенное убийство. О боевом искусстве горных мастеров ходили легенды, и не зря. Хотя Лек был пока только младшим мастером, справиться с ним в одиночку не смог бы никто из элитных гвардейцев империи. Впрочем, префект указал, что, если светлого лорда намеренно оскорбят, и тому найдутся свидетели, он сможет драться. И намекнул, что правил почти никто не соблюдает.

Молодой горец не спеша двигался по улице, с интересом разглядывая разномастные дома. Припортовый район был не из богатых, но и не из самых бедных. Лек даже слышал, что нищих в метрополии вообще нет, что никто здесь не голодает, только поверить в это не мог. С какой стати императору кормить бездельников? Юноша привык, что каждый должен работать, если хочет что-нибудь получить. Даже дети высокого лорда пасли стада летом и разгребали снежные заносы зимой. Попробовал бы кто-нибудь из них только заикнуться, чтобы вместо него работали слуги. Отец бы лентяю такого прописал, что месяца два на животе спать пришлось бы. Нет, попавшим в беду помогать нужно, обя-

зательно нужно. Но не позволять же им садиться себе на шею? Нет, ни в коем случае.

Кто-то толкнул его и выругался, Лек даже не понял кто — толпа вокруг стала настолько плотной, что он с трудом продирался сквозь нее. Юноше было несколько не по себе от такого многолюдства. Он, конечно, бывал в городах Манхена — Париадаре, Юриэне и Хансалане, но такого там не встречал. Делать им здесь, что ли, нечего? Когда и работают-то?..

Внезапно чьи-то ловкие пальцы попытались срезать кошелек Лека, но юноша резко схватил вора за руку: худой, черноволосый мальчишка, одетый на удивление хорошо.

— Не-а... — усмехнулся горец. — Не получится. Монетку дам, коли есть хочешь, а на все рта не разевай.

— Ты чо! — рванулся в сторону мальчишка. — Отпусти!

— Отпущу. Только глаза разуй: я горный мастер...

— Бреешь! — вытаращился малолетний вор. — Мастера — они все старые!

— А это видал? — показал Лек на свисающий с плеча плетеный черный шнурок.

— Ни дорхота себе! — почесал в затылке свободной рукой мальчишка. — Простите меня, недотепу, уважаемый! Недоглядел.

— В следующий раз влетишь. Не все такие добрые, как я...

Лек отпустил воришку, и тот растворился в толпе. Юноша фыркнул про себя, вспомнив легенды, ходившие про наставников боевого братства империи. Придумают же! Как-то раз он пересказал учителю несколько случайно слышанных баек, и тот улыбнулся, чем потряс рассказчика до глубины души. Никогда до тех пор Лек не видел улыбки мастера Тарвона.

— Купите сыр, молодой господин! — завопил кто-то над самым ухом. — Самый лучший сыр в Тарсидаре!

Раздраженно отмахнувшись от настырного торговца, Лек двинулся дальше. Одна улица сменялась другой, юноша глазел на особняки и дома обеспеченных горожан. Хотя по понятиям Лека самый бедный из здешних жителей на его родине показался бы богачом. Все вокруг были одеты в добротные шерстяные костюмы. Порой довольно поношенные, но все еще крепкие. Ни одного нищего в рванье... Неужели в метрополии и в самом деле нет попрошаек? На многих прохожих он видел разноцветные плащи и узорчатые пояса, не похожие, конечно, на шитые золотом и серебром пояса аристократов — за такую наглость можно было и палок получить. Аристократов тоже встречалось немало.

Улицы патрулировали отряды городской стражи в синих плащах с символами наместника провинции, герцога ар Давада. При малейшем беспорядке они тут же вмешивались, уводя нарушителей спокойствия с собой.

Горец, увидев, как стражники тащили какого-то отчаянно упирающегося верзилу, подивился неслаженности действий воинов. Перебить их можно было очень быстро и почти не напрягаясь. Впрочем, это не его дело. Раз герцог ар Давад считает нужным держать на службе таких неумех, то у него, наверное, есть на то свои причины.

Лек вышел на главную площадь Тарсидара и только языком поцокал, увидев ратушу и дворец наместника. Потом не спеша двинулся в обход: ни ратуша, ни дворец его не интересовали, оставаться в этом городе юноша не собирался.

Заметив его пояс, встречные аристократы раскланивались с горцем, не скрывая порой ироничных ухмылок, от которых ему хотелось схватиться за рукояти мечей. Некоторые, правда, замечали черный шнурок, и ирония сразу исчезала с их лиц. Чему удивляться: не было более верного способа самоубийства, чем нарваться на дуэль с горным мастером.

Снова улица за улицей, бесчисленные лавки и торговые ряды. Глаза разбегались, хотелось попробовать и того и этого, но Лек сдерживался, помня, что его кошелек далеко не бездонный. Отец не поскупился, выделив младшему сыну на обустройство немалую сумму, и даже дал сертификат одного из банков Хансалана, полученный за поставку крупной партии серебряной руды. Но юноша иллюзий не питал — понимал, что других денег до того, как устроится на службу, у него не появится. Надо рассчитывать только на имеющиеся. Учителя у него были хорошие и доходчиво объяснили, как легко и быстро остаются без гроша в кармане молодые люди из колоний, попав в метрополию. Лека с детства приучили к бережливости, и он не собирался походить на жадную до новых нарядов девицу во время приезда торговца в замок.

Кошелек после случая с воришкой юноша спрятал за пазуху и шел в полутрансе, отмечая и запоминая каждую мелочь вокруг, как учил его мастер Тарвон. Южная окраина постепенно приближалась, дома становились обшарпаннее, но нищих вокруг все равно не было. Да и откровенно голодных людей Лек тоже не заметил. Странно это, если честно. Но не стоит судить поспешно, он слишком мало знает. Пока. Надо осмотреться, а только потом делать выводы. Этому юношу научил второй учитель, которого

называли учителем манер, хотя старый мудрец, каким-то образом прижившийся в небольшом замке бывшего вождя горного племени, обучал своих питомцев не только манерам. Высокого лорда, занятого добыванием денег, это не интересовало — оболтусы делом заняты, и ладно.

Старик обучал мальчишек этикету, трем основным языкам Элианской империи, чтению и письму, риторике, логике, математике, причем так, что юные горцы слушали его, раскрыв рты. Он рассказал о политическом устройстве самой большой страны мира, ее истории и обычаях. Самым лучшим учеником старика стал Лек, не пропустивший ни одного урока. Правда, во многое так и не смог поверить — слишком невероятными были рассказы учителя. Взять хотя бы историю об императоре. Как это — его величество не знают в лицо? Никто и никогда его не видел? Он не живет в своем дворце, а ходит по дорогам империи и помогает всем в его помощи нуждающимся? Чуть ли не бред полный. Не ведут себя так вожди! Однако старый мэтр научил юношу еще одному правилу — не делать поспешных выводов.

Выяснив у прохожих, где находится трактир, Лек вскоре нашел его. Оглядел снаружи и одобрительно кивнул: здание крепкое и ухоженное, видно, что папаша Дорфит — человек хозяйственный. Только после этого он толкнул высокую дверь и вошел. Окинул взглядом обеденный зал и снова кивнул. Не слишком богато, зато опрятно. Столы чистые, пол еще влажный, недавно мыли. Людей в зале почти не было, только пара торговцев в углу потягивали эль из высоких деревянных кружек.

— Доброго дня! — вышел из-за стойки седой толстяк с пышными бакенбардами. — Молодому господину угодно выпить или пообедать?

— Меня к вам стражник из порта послал, — улыбнулся Лек. — Назвался стариной Мертотом. Сказал, что у вас кормят хорошо и комнату на несколько дней снять можно.

Трактирщик отметил, что юноша говорит с легким акцентом, выдающим, что лаарский, основной язык империи, для него не родной. Потом только понял, что к нему забрел редкий гость с колониального Манхена. Да еще и младший лорд! Но когда папаша Дорфит увидел свисающий с плеча горца черный шнурок, у него перехватило дыхание. Он ведь не всю жизнь был трактирщиком. Были времена, когда лейтенант второго гвардейского полка Белых Леопардов сражался спиной к спине с такими же

ребятами, носившими черные шнуры. И как они дерутся, знал не понаслышке.

— Приветствую уважаемого младшего мастера в моем скромном жилище! — Он поклонился по всем канонам этикета боевого братства. — Буду рад помочь всем, чем смогу.

— Благодарю, — столь же церемонно поклонился удивленный Лек, никак не ожидавший встретить в трактире ветерана братства. — Вы оказываете мне честь, брат.

— Мелли, подготовь зеленую комнату на третьем этаже, у нас гость, — бросил служанке папаша Дорфит. Та поклонилась и опрометью кинулась вверх по лестнице.

— Но мы ведь еще не договорились... — удивленно посмотрел на трактирщика юноша.

— С вас я лишнего не возьму, — заверил его тот. — Мне однажды такой же, как вы, младший мастер жизнь спас. Думаю, полтархема в день за комнату и трехразовое питание — недорого.

Лек едва не поперхнулся, это было почти задаром — меньше чем на два тархема он никак не рассчитывал. Но одновременно ему сделалось неловко, ведь не он спас жизнь этому человеку. Имеет ли он право пользоваться его благодарностью?

— Я с вас больше не возьму, уважаемый младший мастер! — понял его сомнения папаша Дорфит. — Тот мастер у меня на руках от ран умер, а я поклялся, что буду помогать каждому из вас чем только смогу. Это моя клятва!

— С благодарностью принимаю ваш дар, уважаемый брат! — низко поклонился Лек, вытянув вперед сложенные лодочкой руки. С чужой клятвой не спорят, это величайшее оскорбление, смываемое только кровью. Старый воин не заслужил такого.

— Да чего там, — смутился трактирщик. — Пустяки. Пусть уважаемый младший мастер...

— Меня зовут Лек, — перебил его юноша. — Светлый лорд великого дома ар Сантен.

— Впервые в метрополии?

— Да, решил мир посмотреть. Дома делать нечего, многие наши соседи служат в гвардейских полках. Вот и мне пришла пора послужить его величеству.

— Достойная цель, — степенно кивнул папаша Дорфит. — Садитесь, обед сейчас будет. Вы свинину в сухом вине не пробовали? С венсенским соусом?

— Нет,— помотал головой Лек.— У нас свиней не держат, на-кладно.

— Вам понравится, светлый лорд,— заверил трактирщик.— Моя жена прекрасно готовит, я сам на ее стряпне вон какое пузо наел.

— Благодарю,— улыбнулся Лек и сел за ближайший стол, положив котомку рядом.

Мясо оказалось таким вкусным, что юноша, хотя совсем недавно завтракал, очистил тарелку почти мгновенно. Да, жена папаши Дорфита действительно мастерица, каких поискать. Такой вкусотищи Лек ни разу не пробовал. Даже на празднике Летней Ночи, когда горцы выставляли на стол все самое лучшее, он не ел ничего подобного. Мясо буквально таяло во рту. Мэтр рассказывал что-то о грандиозных пирах в замках аристократов метрополии, но ему не верили, не понимая, зачем нужно такое расточительство. Слабый темный эль, поданный в высокой деревянной кружке, был непривычным на вкус, но прекрасно утолил жажду. Поев, юноша уплатил трактирщику три тархема за шесть дней вперед и поднялся на третий этаж.

Комната оказалась уютной, стены были оклеены темно-зелеными обоями — понятно теперь, почему ее называли зеленой. Поскольку весной ночами еще подмораживало, в камине горел огонь. В углу стояла большая кровать, покрытая одеялами, так и зовущая к себе уставшего путника. Но Лек спать не собирался — до вечера еще далеко, и вполне можно успеть побродить по городу, посмотреть в торговой столице империи есть на что.

Для начала он сложил свои небогатые пожитки в сундук, оставив при себе только кошелек и мечи, затем сел на пол в позу лотоса и погрузился в медитацию. В этом состоянии осмысление увиденного давалось куда легче обычного. Для Лека медитация давно стала столь же необходимой, как и дыхание, да и отдохнуть она позволяла куда лучше, чем сон. За час он полностью восстанавливался. Однако мастер Тарвон советовал не злоупотреблять этим методом. Встав, юноша быстро прокрутил базовые боевые формы для разминки, немного помахал мечами и размял ноги. На корабле тренироваться было негде, и он соскучился по тренировкам. Надо завтра же найти место, где можно будет заняться собой по-настоящему. А то так недалеко и сноровку потерять.

Выйдя на улицу, Лек оглянулся. Итак, он в городе метрополии. Правда, шхуна заходила в Гардар и Кевиндар, выгружая

какие-то товары,— но юноша не стал сходить на берег, сухопутная дорога к столице оттуда куда длиннее, чем от города торговцев, как часто называли Тарсидар. Действительно, чем только здесь не торговали! Трудно было бы найти такую вещь. Не зря именно в тарсидарскую гавань спешили бесчисленные корабли со всего мира.

Несколько оставшихся независимыми стран на других континентах со страхом и завистью взирали на гигантскую, невероятно богатую империю. Воевать с Элианом давно уже никто не решался. Однако в последние несколько сот лет начал постепенно набирать силу Карвен — страна религиозных фанатиков, поклоняющихся Единому. Но совсем не так, как принято было в империи. Поэтому карвенцы между собой называли элианцев грязными еретиками, но не решались говорить о том громко. Самую лютую ненависть пяти карвенских первосвященников вызывало то, что в империи разрешена была магия. Процветала Академия Высшей и Прикладной Магии, широко распахивавшая свои двери перед талантливыми юношами и девушками. Мало того, сам император и его эльдары были колдунами такой силы, что это вызывало дрожь.

Не то в Карвене — там по одному подозрению о наличии магических способностей человека сжигали заживо. Достаточно было доноса соседа, чтобы любого карвенца схватили и отправили в допросную тюрьму, откуда мало кто выходил целым и невредимым. Поколениями первосвященники мечтали захватить империю и установить на ее территории столь милые их сердцу порядки. Несколько раз даже пытались, но были сильно биты. Со времени последней войны прошло лет триста, и все это время Карвен предпочитал торговать с Элианом, не оставив, впрочем, фантазий о реванше. А пока святоши шаг за шагом теснили с насиженных мест орков, объявив краснолицых слугами Черного Дорхота, владыки Бездны. Последние пару столетий те держали оборону по реке Харме, выстроив циклопические крепости и вооружив своих воинов огнестрельным оружием. Карвенцы нападали раз за разом, но выбить урук-хай из крепостей так и не смогли. Мастера-ремесленники древнего народа все время выдумывали что-нибудь необычное, у них всегда находилось, чем неприятно удивить врага.

Имперские полки в последнее время тоже начали перевооружаться, новое оружие оказалось на удивление действенным. Орки охотно торговали огнестрельным оружием в обмен на про-

довольствие, в их суровых горах мало что росло. Согласно заключенному первым императором союзному договору, они имели свободный доступ на территорию империи, однако на деле не слишком туда стремились. К сожалению, из-за этого договора второй древний народ, эльфы, вообще перестали контактировать с людьми, скрывшись в недоступных лесах Эльварана, куда без разрешения хозяев не мог проникнуть никто. После множества бесполезных попыток пробраться в зачарованный лес бессмертных оставили в покое.

Однако был еще один враг. Великая Степь. Кочевники. Огромные конные орды испокон веков кочевали по степи, ежегодно пробуя на зуб Южные Цитадели Элиана. В прежние времена случалось, что они доходили до Инара и Дир-Архата, оставляя за собой выжженную пустыню. Потом с севера подтягивались имперские полки и ценой немалых потерь вытесняли кочевников обратно в степь. В конце концов кому-то из императоров надоело постоянно восстанавливать разрушенное, и около трехсот лет назад маги-инженеры Академии возвели по приказу его величества циклопические стены Южных Цитаделей, тянущиеся на тысячи верст, навсегда отделив Великую Степь от имперских земель. С тех пор кочевники ни разу не провались во внутренние области Элиана, хоть и не оставляли попыток. Эльфийский лес они штурмовать даже не пробовали, потеряв лет пятьсот назад несколько тысяч сумасшедших, рискнувших войти под сень древних деревьев. Обратно не вернулся никто. Наоборот, из леса вышли чудовища, перебить которых удалось с величайшим трудом и ценой невероятных потерь. Наверное, половина кочевых воинов полегла тогда. Но уже лет через сто после этого племени начали воевать между собой, слишком много за это время расплодилось людей и слишком мало осталось свободных пастбищ.

Многие императоры, особенно в молодости, пытались подгрести Великую Степь под себя, но ни у одного не получилось. Как только имперские войска выходили за пределы стен Южных Цитаделей, кочевники тут же забывали о распрах и совместно выступали против старого врага. В Стойбище Паука, единственном городе Великой Степи у подножия Паучьих гор, начинали грохотать барабаны шаманов, призывающих на помощь своих кровавых богов. Даже император не мог проникнуть в этот странный город, несмотря на всю свою магическую силу — что-то непонятное защищало Стойбище Паука. Что? Маги и ученые мужи Ака-

демии только руками разводили в недоумении. Оставалось по- ложиться на удачу и лучших полководцев Элиана. Увы, ни разу элианцам не удалось продвинуться в глубь степи дальше, чем на сотню верст. Рано или поздно их встречали бесчисленные тыся- чи конных воинов. И побеждали, как это ни удивительно. Двести пятьдесят лет назад Совет мастеров-наставников боевого братст- ва под руководством императора Ларгиана X принял решение оставить кочевников в покое, благо прорваться в империю они тоже не могли.

Лек шел, прокручивая в памяти уроки мэтра Менхема. Ста- рик не раз повторял, что забывшие прошлое — обречены. Навер- но, он прав, знать историю необходимо и извлекать из нее уро- ки — тоже. Горец пытался сравнить рассказанное учителем с окружающим. Пока сходства было мало. Он ничего не понимал, видя беспорядочное мельтешение людей, от которого у юноши кружилась голова. Чего несутся? Куда так спешат?

От воплей уличных торговцев закладывало уши, и Лек непри- язненно морщился. Зачем кричать? Если человеку что-нибудь нужно, он все равно купит. Выложи товар и жди себе покупате- ля, не шуми без толку. Кто захочет — возьмет. Юноша ни в коем случае не стал бы иметь дело с торговцем, так настойчиво пыта- ющимся всучить свой товар. Каждому ведь ясно: раз продавец настойчив — что-то здесь не так. Дома на ярмарках купцы выкла- дывали образцы и с достоинством ожидали покупателей. Попро- бовал бы кто-нибудь из них орать и прыгать — вообще ничего не продал бы.

Возле трактиров прохода не было от пьяных, что тоже выгля- дело для горца диким. Пить хмельное не в праздничные ночи, а посреди бела дня?! Как можно? А беспричинные драки? Каждый раз при виде такого непотребства юноша в недоумении останав- ливался и смотрел на неуклюжих дерущихся. Несколько раз и на него пытались поднять руку, но когда нападавший видел шнуток младшего мастера, он тут же трезвел и бледнел, принимаясь кла- няться и униженно извиняться.

Постепенно темнело, первый день в метрополии подходил к концу. Лек тем временем добрался до северной окраины города. Дома здесь выглядели куда беднее, но оборванцев он так и не увидел. Внезапно с дерева в него полетела шишка, одновременно сверху донесся чей-то приглушенный смешок. Юноша легко поймал шишку и усмехнулся. Шуточки кто-то шутит? Ну-ну... Он буквально взлетел на дерево, уцепился одной ногой за ветку

и повис вниз головой, оказавшись лицом к лицу с мелким парнишкой лет шестнадцати на вид с конопатой и очень хитрой физиономией. Интересный субъект, ничего не скажешь. Лек окинул шутника внимательным взглядом. Зеленые глаза светятся озорством, шапка огненно-рыжих кучерявых волос напоминает воронье гнездо необычного цвета. Сорванец изумленно взглянул на висящего вниз головой человека и потряс головой, затем протер глаза, но наваждение не исчезло.

— Ну и чего ты шишками бросаешься? — спросил Лек с улыбкой.— Делать нечего?

— Дык... — только и сумел выдавить рыжий.— Я, это...

— Зря ты это,— хмыкнул юноша.— Поймают — по шее схлопочешь.

— Так ты первый поймал! — хихикнул сорванец.— Я ж не со зла. Бить бушь?

Он выглядел настолько забавно, что Лек не выдержал и расхохотался.

— Не буду,— сквозь смех выдавил он.— Зато попрошу город показать. Не за так, два тархема заплачу. Согласен?

— А то! — обрадовался рыжий.— Седня приехал?

— Да.

— А откель?

— С Манхена.

— Ух ты! — изумился сорванец.— Ты, что ль, оттудова родом?

— Точно! — снова рассмеялся Лек. Этот мальчишка вызывал какие-то странные чувства, он был смешон, нелеп и почему-то казался очень одиноким. Несмотря на всю свою веселость.

— Меня Санти обычно кличут,— снова заговорил сорванец.

— А полностью? Сантином? На мое родовое имя похоже.

— Не-а... — недовольно скривился рыжий.— Сантиаром. Папхен, чтоб его, удружил с имечком. Такое лорду пристало, а не скомороху бродячему. Дразнят все кому не лень.

— Плюнь и забудь,— посоветовал горец.— А меня Леком зовут. Давай спускаться?

— Ага.

Рыжий перепрыгнул на нижнюю ветку, затем легко скользнул по стволу вниз. Лек с интересом смотрел на его мягкие, отточенные движения и удивлялся про себя. Так двигаются обучавшиеся у горных мастеров не меньше двух лет. Да мальчишка просто талант! Неужели повезло в первый же день в метрополии найти себе ученика? Хорошо бы. Ведь Лек не получит белого

шнурка, пока его собственный воспитанник не сдаст экзамен на черный. Это закон. Стал младшим мастером — воспитай преемника, передай свои знания и умения. Без этого пути дальше нет.

Юноша удивленно покачал головой и расслабил ногу, соскользнув с ветки. Он упал на руки, коlobком прокатился по земле и встал. Рыжий ждал его у масляного фонаря, недавно зажженного фонарщиком.

— А ты здорово прыгаешь... — сказал он и вдруг замолчал, мертво побледнев.

Глаза сорванца были устремлены на шитый золотом пояс Лека, выдающий в нем одного из высших аристократов Элианской империи. Потом Санти поднял взгляд выше, увидел плетеный черный шнурок, рукояти картагов — и зажмурился, что-то отчаянно шепча себе под нос. Его всего колотило, по щекам протянулись мокрые дорожки слез.

— Простите меня за наглость, светлый лорд... — Лек вздрогнул от звука глухого, дрожащего голоса.

Рыжий выглядел полумертвым от ужаса. Но чего мальчишка так испугался? Неужели того, что бросил шишкой в лорда? Чуть ли не в лорда?

— Да не бойся ты меня! — попробовал юноша успокоить Санти, но тот затрясся еще сильнее, отчаянно мотая головой и размазывая слезы по лицу. — Ничего плохого я тебе не сделаю!

За спиной раздался топот, и в круг света вступили три стражника в синих плащах наместничьей стражи. Увидев плачущего рыжего, пожилой сержант резко остановился. Затем осмотрел Лека, опытным взглядом сразу отметив шитый золотом пояс и витой черный шнурок.

— Этот наглый байстрюк оскорбил вас, светлый лорд? — В голосе старого служака звучала мрачная угроза, он злорадно поглядывал на мальчишку. — Ну рыжий, ты допрыгался! Тебя ведь предупреждали, чтобы прекратил свои шуточки, зараза? Так ты теперь на лорда рыпнулся? Да еще и на горного мастера? Все, мое терпение закончилось. В каменоломни пойдешь. Хватит!

Остальные два стражника не менее злорадно ухмылялись. Санти вжался в стену, глаза его стали похожи на глаза попавшего в ловушку звереныша. Видимо, у стражи были к нему давние счеты. Лек снова вспомнил рассказы мэтра о надменности аристократов метрополии. Если это правда, то за брошенную в лорда шишку и в самом деле можно угодить в каменоломни. А то и

кнута отхватить. Надо выручать, да и воспользоваться ситуацией не грех.

— Ничем мой ученик меня не оскорбил,— холодно сказал Лек.— Конечно, Слово Воина еще не сказано, но я, младший горный мастер боевого братства империи Лек Белый Волк, светлый лорд великого дома ар Сантен, официально заявляю, что беру юношу Сантиара в ученики.

— В ученики? — тупо повторил опешивший сержант.— Этого?.. Но...

— Какие у вас претензии к моему ученику? — Тон горца стал совсем ледяным.

— Никаких, светлый лорд! — вытянулся старый служака, выглядящий так, будто его приложили чем-то тяжелым.

— Что здесь происходит? — раздался чей-то голос, и на свет вышел еще один стражник.

На сей раз это был офицер в сером с серебром плаще императорской стражи. И мало того, что офицер — горный мастер, как сам Лек, о чем говорил черный шнурок.

— Приветствую тебя, брат! — по всем канонам боевого братства поклонился юноша.

— А я тебя, брат! — повторил его поклон офицер, улыбнувшись.— Могу чем-нибудь помочь?

— Да! — резко кивнул Лек.— Прошу стать свидетелем произнесения Слова Воина: я беру в ученики этого юношу.

— Брат! — приоткрылся рот офицера, глаза его стали совершенно круглыми.— Ты берешь в ученики это рыжее недоразумение?! Ты серьезно?!

— Да, а что? — удивился юноша.— Что здесь такого?

— Сразу видно, что ты не местный... Его здесь все знают. Нет, наверное, человека в Тарсидаре, которому он не досадил. Постоянно шуточки идиотские, да такие, что его полгорода растерзать готово, несколько раз стража дурака полумертвым у мстителей отбивала. Так он в «благодарность» и над нами подшутил как-то. Сержант вон его шуточки до смерти не забудет. Теперь рыжего никто больше отбивать не станет. Сам виноват.

— Да уж...— растерялся Лек.— Никогда бы не подумал. Но посмотри на его движения, так двигаются только на второй-третий год обучения. Какова координация, а?

— Так скоморох ведь! — скривился офицер.— Акробат и жонглер. Но я как-то не присматривался. Может, и зря.

— Энергии слишком много, вот и бузит,— улыбнулся юноша.— Если ее направить в нужное русло, то... Тем более что я уже сказал свое слово и отказываться не намерен. Теперь дело за ним. Согласится — станет моим учеником и младшим мастером через несколько лет. Гарантию даю, станет. Гонять только нужно как следует.

Санти непонимающе смотрел на них, успев уже похоронить себя,— в каменоломнях больше пяти лет не живут даже здоровенные мужики, что уж о нем говорить. Через год загнетса. Почему люди совсем не понимают шуток? Он ведь не со зла, никогда никому большого вреда не причинял. Того же сержанта взять. Хороший ведь дядька, а обиделся страшно. И на что? На мелочь! Ладно, наткнулся на ведро с краской, которое, между прочим, вовсе не на него, а на толстого кабатчика Баско насторожено было. Нечего по закоулкам шляться! Ладно, после падения ведра несколько дней из дому выйти не мог — краска оказалась особо устойчивой. Случается. Дело житейское. Так нет чтобы посмеяться — такую погоню за Санти устроил, что пришлось три дня по подвалам отсиживать, пока сержант немного не остыл.

С тех пор приходилось соблюдать величайшую осторожность — стражники пообещали, что если хоть какая малость с его стороны будет, в каменоломни упекут. Стало очень скучно жить, только во время выступлений балагана немного развлекался, устраивая клоунады, во время которых зрители покатывались от хохота. Но в последние два года дядюшка Балдур, владелец балаганчика, совсем растолстел, разленился и почти не выступал. Денег у него хватало, не надо было больше мотаться по всей империи, развлекая праздных зевак.

Санти долго терпел и вел себя примерно. Сегодня терпение лопнуло, он залез на дерево и принялся швыряться шишками в прохожих. Те так смешно выглядели, когда пытались понять, откуда на них шишка свалилась. А потом — встреча с этим редкостно ловким парнем, оказавшимся, как назло, светлым лордом. С лордами и прочими высокопоставленными господами Санти шутить никогда не осмеливался, знал, чем чревато. Эти сволочи за безобидную шутку вполне могут человека в каменоломни упечь. Поняв, что пошутил с аристократом, он до смерти перепугался. А тут еще и стражники подошли... Но лорд сказал, что берет его в ученики. Что это значит?

— Он ничего не понимает,— насмешливо фыркнул офицер.— Тебе счастье редкое привалило, обормот. Этот господин

согласен взять тебя в ученики и сделать из бездельника горного мастера. Как только получишь черный шнурок, сразу станешь аристократом, дурень рыжий...

— Я?! — Лицо скомороха вытянулось.

Всякого он мог ждать от жизни, но только не такого. Это что? Это они в отместку так шутят? Его — в горные мастера? В аристократы?! Да нет, полная чушь. Или не шутят? Но никакого желания становится хладнокровным убийцей Санти не испытывал. А есть ли другой выход? Он покосился на сержанта и понял, что нет — тот поглядывал столь многообещающе, что мальчишку передернуло. Нет уж, лучше в ученики к лорду, чем бегать от обозленных стражников. Похоже, пора сматываться из этого города. Тут никто шуток не понимает.

— Я согласен, светлый лорд...— с трудом выдавил Санти, чувствуя себя несколько странно.

— Значит, принимаешь ученичество? — переспросил Лек, переглянувшись с офицером.— Учти только, сейчас ты дашь не просто слово, а слово горному мастеру в присутствии свидетеля, тоже горного мастера. Сразу хочу сказать, что можешь отказаться и ничего тебе за это не будет. Я прослежу, чтобы тебя не наказали. Но если нарушишь слово, за тобой будет охотиться все боевое братство империи. Предателей мы не прощаем.

Что?! Ой, мама! Вот это влип, он-то думал сразу смыться от незваного «учителя», а не выйдет. Боевое братство будет охотиться? От них не уйдешь, даже в самом Карвене достанут. Но лорд ведь сказал, что если отказаться, то никто его не тронет. Санти открыл было рот, чтобы послать горца куда подальше, но вдруг задумался. Хорошо, сейчас он откажется и вернется в балаганчик дядюшки Балдура. А что дальше? Снова начнет сходить с ума от скуки, пошутит над кем-нибудь и окажется в каменоломнях? Все ведь останется по-прежнему... А лорд предлагает новую, непривычную и необычную жизнь. Может, горные мастера и не такие страшные, как в сказках и легендах? Взять хоть этого. Ненамного старше Санти, улыбающийся, добрый на вид парень, хоть и светлый лорд. Вдруг с ним будет интересно? Рыжий растерялся, никогда ему не приходилось делать такого выбора, жил, как жилось, не больше. Нет, он не откажется. Хоть что-нибудь новое!

— Я согласен...— повторил мальчишка.— Я даю слово.

— Назови родовое имя полностью.

— Сантиар Эрхи, скоморох. Сын Вила Эрхи, тоже скомороха.

Горные мастера переглянулись. Горец достал из-за пазухи сплетенный из хорошо выделанной волчьей кожи серый шнурок ученика.

— Я, Лек Белый Волк, светлый лорд великого дома ар Сантен, младший горный мастер боевого братства империи Элиан, беру в ученики Сантиара Эрхи и произношу Слово Воина! — Голос юноши был торжественным.— Прошу эльдаров его величества императора занести мои слова в Анналы Братства!

Затем он произнес несколько странно звучащих слов на неизвестном языке — наверное, заклинание. Санти не знал, но его почему-то пронзило холодом. Казалось, кто-то огромный и страшный открыл глаза и посмотрел на рыжего мальчишку. Оценивая так посмотрел, как будто пытаюсь понять, пригоден на что-нибудь этот наглец или нет.

— Занесено! — прозвучал откуда-то из воздуха нечеловеческий, пугающий голос.

— Я, Кенар ар Теваль, виконт Арват, младший горный мастер боевого братства империи Элиан, выступаю свидетелем слов моего брата Лека Белого Волка.— Говоря это, офицер с явным сомнением поглядывал на Санти.— И тоже произношу Слово Воина в подтверждение.

Он повторил заклинание Лека.

— Принято! Ученик Сантиар, принимаешь ли ты ученичество? По доброй ли воле ты его принимаешь?

— П-п-р-р-р-и-н-н-и-м-м-а-ю-ю...— От всего происходящего у Санти зуб на зуб от страха не попадал.— П-по д-доброй в-воле...

— Занесено в Анналы Братства. Да будет так!

Верхушка императорской башни в центре города внезапно вспыхнула призрачным белым светом, режущим глаз. Санти несколько раз видел такое, но не знал, почему это происходит. Рассказывали многое, но вот что из рассказов было правдой? Кто его знает...

Горожане вообще-то редко обращали внимание на развлечения магов. Башня ночами освещает город? Хорошо! Удобно! А что иногда начинает играть световую феерию, так то дела императора с эльдарами, простых людей они не касаются. Но Санти и в голову прийти не могло, что когда-нибудь башня загорится из-за него.

Рыжий онемел, только наполненные страхом и непониманием глаза были устремлены на колдовской огонь, ежесекундно меняющий цвет. Лек тем временем положил ученический шнурок

на ладонь и вытянул ее вперед, снова сказав несколько слов на незнакомом языке. Из светового шара на верхушке башни вытянулся узкий белый луч и ударил в шнурок. Тот загорелся холодным огнем того же цвета, но через несколько мгновений погас, как и сама башня.

— Возьми,— негромко сказал горец.— Отныне этот шнурок твой. Теперь ты принадлежишь к боевому братству Элианской империи, и каждый из нас брат тебе.

Санти дрожащими руками принял серый шнурок и замер, не понимая, что с ним делать. После всего случившегося голова у мальчишки гудела, в глазах вспыхивали огненные круги, он чувствовал себя хуже некуда. В самых диких мечтах Санти не представлял, что когда-нибудь станет одним из горных мастеров, которых боялись и уважали в империи. Впрочем, не только в империи. Даже кочевники Великой Степи знали, что значит витой кожаный шнурок на левом плече человека. Меньше чем вдесятером на такого воина не нападали.

Поняв недоумение ученика, Лек переглянулся с офицером, оба как-то очень похоже улыбнулись, и горец приложил шнурок к плечу Санти. Тот прилип, будто приклеенный. С этого момента снять его мог только сам владелец или его учитель. Шнурки имели свойство оказываться поверх любой одежды, если их не прятали намеренно. Украсть их тоже никто не мог, вора находили задушенным, а символ принадлежности к боевому братству возвращался к своему владельцу. Точно так же, как и картаги.

Скоморох никак не мог прийти в себя от такого резкого изменения судьбы и тупо разглядывал шнурок.

— Успеешь еще налюбоваться,— со смешком сказал Лек, вспоминая собственные ощущения.— Завтра начну дрессировку, так что готовься. Брат, ты не знаешь случайно тренировочного зала, в котором можно было бы позаниматься?

— Большинство городских мастеров тренируется в зале старшего брата Элоиза Кертала,— ответил собравшийся было уходить офицер, снова поворачиваясь к горцу.— Он неподалеку от дворцовой площади. Спросишь, любой покажет. Для своих бесплатно, для остальных за деньги. Только смотри, брат, старик и тебя погоняет, он не выносит, когда молодежь распускается.

— Не страшно,— рассмеялся Лек,— я во время плавания немного сноровку подрастерял, тренироваться негде было. На разминочных комплексах далеко не уедешь. Спасибо за помощь!

— Не за что,— поклонился офицер.

Стражники ушли, и Санти остался наедине со светлым лордом, неожиданно ставшим его учителем. Тот с интересом поглядывал на мальчишку и ухмылялся себе под нос.

— Меня не бойся,— сказал горец.— Хотя придется тебе ой как нелегко, но потом спасибо скажешь. На то, что я лорд, внимания не обращай, это значения не имеет, ты сам теперь кандидат в аристократы. Называй меня Леком или наставником. Не вздумай назвать учителем, я этого звания еще не заслужил, по шее наступчу, если забудешь. Ладно, надо забрать твои вещи. Куда идти?

— Я проведу, н-наставник...— с трудом выдавил рыжий.— Только у меня тех вещей — пара дырявых штанов да жонглерские шары.

— Жонглировать, значит, умеешь?

— А то! — возмутился Санти.— Лучше меня жонглера в этом занюханном городишке не найти!

— Акробатика как? — поинтересовался Лек.— Сальто, фляки, кульбиты, колесо?

— Могу,— пожал плечами мальчишка.

— Да? А ну-ка повтори.

Лек с места прыгнул на руки и закрутил фляки, наращивая скорость. Закончил он серию выходом на двойное сальто. Санти восторженно приоткрыл рот. Во дает! Да ему бы цены в балагане не было! Повторить, значит? Ладно. Рыжий ехидно ухмыльнулся, сразу забыв о страхе, и тоже закрутил серию фляков. Правда, двойное сальто он сделать не сумел, обошелся одинарным, зато вышел из него в нижней стойке и прокатился обратно колесом.

— Неплохо,— одобрительно хлопнул его по плечу Лек.— Координация немного хромает, но ничего страшного, подгоним. Хотя в первую очередь я буду учить тебя падать.

— Падать? — изумился Санти.— Зачем?

— А затем, чтобы всегда оставаться невредимым во время падения. Думаешь, это просто? А если падаешь с вершины дерева на камни? Что тогда? Калечиться? Не стоит. Помнишь, как я с дерева спрыгнул?

— Ага,— вздохнул мальчишка.— В жизни не видал, чтоб вниз головой сигали.

— Это еще мелочи! — отмахнулся Лек.— Научу. А теперь веди.

По пути к дому дядюшки Балдура Санти немного успокоился. Серый шнурок на его плече, казалось, горел, даже обжигал. Случилось что-то невероятное. Нищего, безродного скомороха

взял в ученики горный мастер. Мало того, младший лорд великого дома. Сроду мальчишка ничего похожего не слышал, учениками всегда становились наследники благородных родов или чем-то отличившиеся молодые воины. Он пытался понять, как ему жить дальше. Лек что-то рассказывал, но Санти почти ничего не слышал, продолжая думать о своем.

Так они и дошли до западной окраины Тарсидара, где селились ремесленники. Вскоре впереди показался шатер балагана, примыкающий к небольшому дому, купленному недавно дядюшкой Балдуrom. Шатер обветшал, уже два месяца представлений не было: бывший скоморох пытался стать респектабельным горожанином. Благо хоть последних артистов пока не разогнал, но постоянно попрекал куском хлеба и заставлял работать по хозяйству. В последнее время он нехорошо косился на Санти, и мальчишке казалось, что его выгонят первым. Понятно, впрочем: за шуточки сорванца претензии высказывали Балдуру, которому вовсе не улыбалось краснеть перед соседями. Вспомнив все это, Санти поежился. Наверное, к лучшему, что так вышло — хоть на улице не оказался. Ведь поскольку официально нищенства в империи не было, оказавшихся без дома и работы отправляли на поселение в дальние колонии без разговоров.

Стучать пришлось долго, в доме бывшего скомороха жились рано.

— А, явился — не запыхался... — недовольно ворчал дядюшка Балдур, открывая. — Смотри, догуляешься. Коли б не твоя мать, прощельга... И как у этой золотой женщины такое недоразумение уродилось, а?

— Вы господин Балдур? — спросил Лек, выходя на свет.

— Я, светлый лорд! — поклонился тот, сразу заметив шитый золотом пояс аристократа.

— Очень хорошо. Я взял мальчика в ученики. Мы пришли за его вещами.

— В ученики? — тупо переспросил Балдур, ничего не понимая.

Неужели кто-то мог взять этого горе-шутника? Кому только из ремесленников он не пытался спихнуть Санти, надеясь, что тот выучится хоть чему-то полезному. Никто не захотел, все вокруг знали, чего от такого «ученичка» ждать. Но разве лорды берут учеников? Что за чушь? Взгляд старого скомороха упал на серый шнурок, свисавший с левого плеча рыжего, и его лицо вытянулось. Балдур прекрасно знал, что это за шнурок и что он

означает. Получается, бесовестного мальчишку взял в обучение горный мастер? Вот так так...

— К-как пожелаете, светлый лорд...— с трудом выдавил из себя толстяк, продолжая очумело смотреть на страшно довольного Санти, которому потрясенный вид хозяина балаганчика явно пришелся по вкусу.

— Иди,— подтолкнул мальчишку Лек.

Тот скрылся в дверях, проскользнув мимо старого скомороха, продолжавшего стоять столбом.

— Вы были знакомы с его родителями? — вежливо спросил горец.

— Да, конечно,— качнул головой Балдур.— Хорошие акробаты были, от бога. Жаль, что так рано ушли. Отец разбился, когда Санти и четырех не стукнуло, гнилой фал порвался, а лет через пять и мать померла от горячки, простудилась, бедная. Мы тогда по всей империи бродили, выступали, вот в буран и попали на самом севере, возле Нерлавана. С тех пор этот рыжий оболтус при мне. Уродится же такое! С детства раннего всем вокруг жизни не давал, как учинит какую шкodu, так хоть стой, хоть падай. И не со зла ведь, скучно ему, понимаете ли...

— Да я понял, что не со зла,— улыбнулся Лек.— У меня старший брат точно такой же. Отец его драл, драл, да только толку — чуть. Зато учитель когда взялся, за пару лет человеком сделал. Надеюсь, мне тоже удастся из Санти хорошего бойца воспитать. Задатки у него — дай бог каждому.

— Ох, и задачку же вы на себя взвалили, светлый лорд,— поежился Балдур.— Тяжко вам с ним придется... Он ведь не хочет думать о последствиях, творит, чего правой пятке захочется, а потом удивляется, что его бьют.

— Попытаюсь,— пожал плечами горец, посмеиваясь.— Для нашего дела фантазия на всякие выдумки — хорошо. Но вот то, что о последствиях не думает, плохо. Придется самому думать, что-нибудь да надумаю. На крайний случай обращусь к старым мастерам, обязательно помогут. Они и не таких перевоспитывали. Гонять парня придется, конечно, здорово, но ему на пользу пойдет.

— Это уж точно! — кивнул Балдур.— Коли сил на шкodu не останется, то и шкодить не станет.

— Станет,— тяжело вздохнул Лек.— Мой старший брат ходить от усталости не мог, а все равно шкодил. В жизни не забуду, как отец вопил, когда под одеяло залез и полную постель лягушек обнаружил. Где только братец посреди зимы лягушек на-

шел? В пещере какой-то, не иначе. А ведь весь день тяжело работал, снежные заносы в рост человека вокруг всего замка разгрести непросто. Но все равно... Порода такая. Зато, если эту энергию куда надо направить, толк будет.

— Дай-то бог...— вздохнул старый скоморох.— Простите уж, светлый лорд, но не верю я, что из этого рыжего оболтуса толк выйдет.

— А это уже от меня зависит. Сумею научить — выйдет. Не сумею — значит, рано мне черный шнурок дали.

Дядюшка Балдур удивленно покосился на лорда. Никогда не встречал аристократа, способного сомневаться в себе. Хотя да, горный мастер. Это особая порода людей. Да и люди ли они? А кто их знает! Довелось однажды повидать, как один такой в одиночку большую банду разметал. Только клочки по закоулочкам летели. Ни один акробат, даже самый лучший, не повторит трюков, которые вытворял горный мастер. Понятно, почему этого горца Санти заинтересовал. Из мальчишки на глазах акробат куда лучше отца растет, наверное, светлый лорд что-то увидел, вот и взял его. Ну, дай бог сорванцу счастья на выбранном пути.

Тем временем на пороге появился рыжий, увязавший в узелок свои убогие пожитки. Он с какой-то непонятной тоской посмотрел на дядюшку Балдура, затем на балаганчик и тяжело вздохнул. Но через мгновение на конопатом лице Санти снова сияла обычная беззаботная улыбка. Старый скоморох укоризненно покачал головой — очаровательный негодник, которому порой много чего прощали за одну улыбку.

— Я готов, учитель! — встал рыжий по стойке «смирно».

— А по шее? — приподнял бровь Лек, посмеиваясь.— Забыл, что я обещал?

— Виноват, наставник! — тоже хихикнул Санти.

Дядюшка Балдур с удивлением смотрел на смеющегося аристократа. Не видал он таких. Надо же, не носится со своей родовой сесью, как дурень с писаной торбой, а ведет себя, как нормальный парень. Старый скоморох обнял Санти на прощание и от всей души пожелал удачи, жизнь у горных мастеров опасная.

Добравшись до трактира папаши Дорфита, Лек облегченно вздохнул. День выдался богатым на впечатления... Он покосился на плетущегося позади ученика и едва не фыркнул, настолько тот выглядел унылым. Ничего, скоро поймет до чего удачный жребий ему выпал. Впрочем, юноша видел, что недовольство Санти показное, что на самом деле мальчишка сходит с ума от

любопытства. Он специально подбросил ученику несколько тем для размышлений, рассказав о некоторых обычных для горных мастеров вещах. Тот постарался скрыть, что буквально очарован, отпуская язвительные замечания по любому поводу. Рыжий уже понял, что может говорить с Леком без опасений, и всюю пользовался этим.

— Доброго вам вечера, молодой мастер! — встретил горца у порога трактирщик.

— И вам доброго вечера, господин Дорфит, — улыбнулся Лек. — Я вот себе первого ученика нашел.

— Ученика? — удивился тот, потом посмотрел на прячущегося за спину наставника смущенного Санти.

Брови трактирщика в то же мгновение взлетели вверх, он задохнулся, запнулся о камень и едва не упал.

— В-вы взяли этого рыжего мерзавца в ученики?! — Папашу Дорфита трясло. — Вы, наверное, не знаете, что это за гаденыш!

— Да не гаденыш он, дурной просто, — улыбнулся Лек. — Простите его.

— Я извиняюсь, что навозу вам в трактир натащил... — смущенно пробормотал Санти, однако глаза его хитро поблескивали, понятно было, что он ничуть не раскаивается.

— Что-что ты сделал? — удивился горец.

— Он не поленился однажды ночью очистить мой свинарник от навоза... — недовольно проворчал папаша Дорфит. — И вывалил весь этот навоз прямо посреди трактира. И лестницу им вымазал. Как только ухитрился проделать все бесшумно? Ума не приложу. Я утром выхожу из спальни, спускаюсь вниз, поскользываюсь, падаю и обнаруживаю, что у меня посреди обеденного зала куча навоза. Причем обнаруживаю самым что ни на есть неприятным способом, въехав в эту самую кучу мордой.

Лек с трудом удержался от смеха, представив себе столь изумительную картину. Понимал, что нельзя смеяться, но губы молодого горца все-таки подрагивали.

— Смеетесь? — обиженно заметил трактирщик. — Оно, конечно, со стороны смешно будет. А вы себя на моем месте представьте. Приятно? А ведь я его не раз кормил, когда он голодный приходил. Отблагодарил, нечего сказать.

— Вы правы, ничего приятного. И неблагодарность дело паршивое.

— Да чего я такого сделал-то? — не выдержал Санти. — Пошутит ведь! Думал, вы посмеетесь...

• Скрытое
пророчество •

Паутина событий, времен и надежд...
Все сплетает в себе, отвергая попытки
Изменения смысла, лишенья одежд
Горькой сущности боли, надежд и улыбки...

И случается все, обрывается нить,
Нить открытой надежды, сквозь сущность
сомнений.

И приходит любовь, не давая нам жить,
Пустотой бесконечных, отрывочных мнений.

И сгорают миры, лишь Творец в пустоте
Создает снова все узелки паутины...
Снова судьбы мешаются в жуткой толпе,
В звуках струн изменяются линии мира.

Вечным сном бесконечно уходят века,
Все меняется, странно и непостижимо.
Разорвет ткань событий чья-то рука,
И по ветру умчатся куски паутины...

...Паутина событий, времен и надежд,
Развевается по ветру наших деяний.
И меняются жизни безгласных невежд.
И обрушится много больших ожиданий...

И о чем впереди вам хотим рассказать,
Лишь попытка связать узелки мирозданий...

Глава 1

ПОСОЛЬСТВО

Высокие скалы вокруг закрывали небо. Издали они казались сумрачными великанами, окружившими город карликов. Многие, впервые оказавшись здесь, замирали в восторге перед изобретательностью природы. Древние горы, очень древние, порой они под влиянием воды и ветра принимали такие формы, что оставалось только диву даваться. Впрочем, выросшие здесь урук-хай привыкли к причудливым скалам, да и не отличались особой любовью к камню. Мастера древнего народа предпочитали работать с металлами, кожей и деревом.

По бокам ворот из скалы выступали два каменных лица, вырезанные настолько талантливо, что казались живыми. Далеко не сразу можно было понять, какого они размера, только подойдя ближе к гигантским, двухсотлоктевым воротам, гость осознал, что высота лиц — больше шестисот локтей, что они выше знаменитых императорских башен в городах Элиана. Наполненные гневом бородатые лица производили шоковое впечатление, они пугали, заставляли нервно ежиться. И ничуть не походили на орков.

Ничего, впрочем, удивительного. Урук-хай не строили свою столицу, Рурк-Дхалад, они ее просто нашли больше полутора тысяч лет назад во время исследования Вадарских гор, куда их вытеснили победители. Сохранились древние хроники, в которых старейшина разведчиков описывал свои впечатления при виде каменных лиц. Довольно долго орки не решались подойти ближе, будучи уверены, что перед ними изображения чужих богов. Местных богов, с которыми вовсе не хотелось ссориться. Однако вскоре выяснилось, что город мертв уже не одну тысячу лет. Кто его построил? Неизвестно. Возможно, легендарные гномы, сказок о которых среди урук-хай ходило множество. Ничего не сохранилось от неизвестных строителей, только сам город и

редкой красоты стенные росписи. Однако на этих росписях не было изображений разумных, одни пейзажи. Лица перед главными воротами оказались единственным исключением.

Рурк-Дхалад выдолбили прямо в окружающих скалах, он поражал воображение размерами и мрачной, тяжелой, ни на что не похожей красотой. Но верхние уровни были лишь слабым подобием подземных. На тысячи верст тянулись бесконечные коридоры, залы и мастерские. Наверное, все население Оркограра поместилось бы в Рурк-Дхаладе, но орки любили простор, мало кому из них нравилось жить в подземельях, сказывалось кочевое прошлое. Зато большинство оружейных производств расположили как раз на подземных уровнях столицы.

Перемещались урук-хай на паровых повозках по тоннелям, протянувшимся подо всеми Вадарскими горами. Карвенцы и до сих пор изумлялись, каким образом краснорожая нелюдь так быстро перебрасывает войска с места на место. Где бы святоши ни высадились, через день-другой врага встречали полки стрелков и егерей. Последних побаивались даже паладины, егеря умели воевать в горах, как никто иной.

Стражники на башнях, высящихся над воротами, откровенно скучали. Уже добрых несколько дней никто не приближался к городу по наземной дороге. Да и то, неудобно две недели тащиться по узким горным тропам от побережья, когда паровые повозки за день добираются до любой точки Оркограра, кроме Мрока, естественно, — под океаном никто тоннелей не прокладывал. Однако старейшины каменотесов подумывали о том не первый год. Останавливало одно — стоимость проекта. По поверхности в Рурк-Дхалад обычно приходили только орки из близлежащих небольших селений. Охотники, фермеры, искатели железа, разведчики. И, конечно, солдаты из частей столичного округа.

Младший клык¹ Зерк Кривой Нос поморщился и оскалился. Скучно. Очень скучно! Да, охрана главных ворот столицы — великая честь даже для егерей элитного полка Черных Медведей. Нужно очень хорошо проявить себя в боях со святошами, чтобы тебя включили в отряд, ежегодно отправляемый черепом² полка в Рурк-Дхалад. На целый месяц! Многие полки добивались такой же чести и для себя, да не у всех выходило. Только все равно скучно! Хоть бы что-нибудь происходило, так нет же. Стоишь,

¹ М л а д ш и й к л ы к — сержант в егерских подразделениях орков.

² Ч е р е п — полковник, командир полка в егерских подразделениях орков.

как дурак, на башне и ни дорхота не делаешь. Слава Создателю Миров, скоро его сменят.

Зерк покосился на Орма, подчиненного ему когтя¹. Тот выглядел ничуть не менее уныло, однако не забывал то и дело окидывать внимательным взглядом окрестности. Младший клык одобрительно покивал — молодой еще парнишка, но толковый. Да и драться научился хорошо, во время последней стычки со святошами лично шестерых на тот свет спровадил, за что и удостоился чести войти в состав отряда стражи.

С трехсотлоктевой высоты открывался вид верст на двадцать вдале. Вьющаяся между горами дорога, по крайней мере, видна была как на ладони. А подобраться по отвесным скалам мог мало кто, только егеря умели лазать по таким. Поговаривали, правда, что святоши готовят какие-то спецподразделения скалолазов, да только слухи такие ходили издавна, но так и остались слухами.

— Позвольте обратиться, господин младший клык! — заговорил Орм.

— Говори,— повернулся к нему Зерк.

— Разрешите мне в свободное время в город отлучиться.

— Девчонку, что ль, встретил? — прищурился младший клык.

— Ага...— довольно оскалился молодой урук-хай.— Такая цыпочка! Дочка оружейника со Второй Тихой улицы. Мы у него как-то кинжалы покупали, девка мне и глянулась.

— Знаю,— покивал Зерк.— Хороший оружейник. Токо гляди мне, коли обидишь, сам зубы вышибу, не стану ждать, пока отец разбираться придет.

— Обижаете, командир! Да чтоб я... Да я...

Ему не дал договорить негромкий треск около главных ворот. Оба стражника сразу насторожились и подошли к парапету башни, уставившись вниз. Там сгустилось туманное облачко, из которого один за другим выходили люди в серо-серебристых плащах. На плечах многих висели черные, белые и даже полупрозрачные шнуры. Оба орка побелели, хорошо зная, символом чего являются эти шнуры. Горные мастера империи! Эти звери вдесятером полк лучших егерей перережут и даже не запыхаются. По любой отвесной скале взберутся. Счастье еще, что Элиан с Оркограром союзники, не придется воевать с этими кошмарными бойцами, пугающими орков до икоты. Легенды о них ходили

¹ Коготь — рядовой в егерских подразделениях орков.

настолько страшные, что мало кто рисковал рассказывать. А уж связываться с кем-нибудь из носящих шнурок?!

Стражники настороженно смотрели на горных мастеров и двух эльдаров с туманными масками вместо лиц. Впереди всех стоял высокий воин, держащий в руке традиционный белый жезл чрезвычайного и полномочного посла. Посольство империи? Прибывшее через магический портал?! Это что же должно было произойти, чтобы элианцы решились на такое нарушение протокола? По договоренности послы обычно высаживались в Тхорге, что на южном побережье, и уже оттуда отправлялись по подземным тоннелям в столицу, местоположение которой орки тщательно скрывали даже от союзников. А получается, что имперские маги прекрасно знают, где находится Рурк-Дхалад... Неприятное известие.

Зерк незаметно нажал кнопку, подающую сигнал тревоги начальнику стражи, черепу знаменитого полка Диких Котов. Оружейники лет десять назад выдумали хитрую штуку, лектричество называется (кусается, зараза, коли за оголенный провод ухватишься!), и в Оркограре работал телеграф.

— Внимание! — выступив вперед, заговорил на хорошем урук-хее высокий старик с полупрозрачным шнуром мастера-наставника на плече.— Господа стражники, перед вами Храт Сломанный Клык, чрезвычайный и полномочный посол его величества Марана Пятого к Кагалу Старейшин и Хранителю Очага. Прошу известить о нашем визите командиров, дело важное и отлагательств не терпит.

Храт Сломанный Клык? Странно, это ведь орочьё имя... Зерк наклонился над парапетом, всматриваясь, и едва не упал вниз от изумления. Сбоку действительно стоял выглядевший невозмутимым молодой урук-хай в таком же, как и на остальных, серо-серебристом плаще, только с регалиями посла, тремя серебряными кистями на правом плече и черным шнурком младшего горного мастера на левом. За его плечами виднелись рукояти двух знаменитых на весь мир элианских призрачных мечей. Орк с черным шнурком?! Орк с картагами?! Это что же на белом-то свете деется?! Портянки старшего клыка Бурха дорхоту под нос! Как?! Как такое могло случиться?

Зерк с восторгом смотрел на сородича, сделавшего невозможное, невероятное. И отчаянно завидовал, хотя прекрасно понимал, сколько труда пришлось приложить, чтобы добиться своего. Он что-то когда-то слышал о клане Сломанный Клык — кажется,

они живут в Мроке, единственном городе на острове Рапек. Там так холодно, что только на южном побережье нашлось место для одного города, вся остальная поверхность острова покрыта вечными льдами. Младший клык оглянулся на когтя и ухмыльнулся. Тот вообще открыл рот, неверяще глядя на орка со шнурком горного мастера.

Телеграф запищал, подавая условный сигнал. К воротам бегом направлялась рота егерей с многозарядными карабинами. Зерк опрометью ринулся по лестнице вниз. По счастью, ему удалось перехватить отряд у самых ворот, начальник стражи уже распорядился изготавиться к стрельбе.

— Господин череп, позвольте обратиться! — резко выдохнул младший клык.

— Обращайся.

— Это посол империи с сопровождением! Чрезвычайный и полномочный!

— Вот как? — нахмурился офицер. — Как имперцы здесь оказались?

— Магия! Телепортировались.

— Габтова задница! — в сердцах выругался череп. — Так они знают, где наша столица?

— Выходит, знают... — развел руками Зерк. — Но сам посол... Я глазам не поверил.

— Докладывай, как положено!

— Виноват! Посол — орк! И он горный мастер, господин череп!

— Орк — горный мастер?! — не поверил офицер. — Ты пьян, младший клык? Смотри мне, за пьянство на посту быстро из егерей вылетишь.

— Никак нет, не пьян! — обиженно оскалился Зерк. — Я правду говорю, господин череп!

Тот некоторое время помолчал, с сомнением глядя на стражника, даже принохался, но никакого подозрительного запаха не уловил. Затем приказал открыть ворота. Древние механизмы и сейчас, спустя полторы тысячи лет, работали безупречно — гигантская стальная плита десятилоктевой толщины медленно поехала вверх, открывая проход. Вскоре взгляду офицера представило посольство. Убедившись, что подчиненный говорил правду и посол — на самом деле молодой орк, ставший непонятым образом горным мастером, он ошеломленно замер. Высокий старик повторил свою речь.

— Приветствую вас в Рурк-Дхаладе, господа союзники! — опомнился офицер.— Прошу следовать за мной. Я немедленно сообщу Кагалу Старейшин о вашем прибытии, но не могу сказать, когда вас примут.

— Я понимаю,— низко поклонился старик.— Я секретарь посольства Элоиз Кертал ар Тевар, высший горный мастер-наставник.

— Горт Кривой Хвост,— представился удивленный орк, никогда до сих пор не видевший мастеров-наставников.— Череп егерского полка Диких Котов. Простите за вопрос, уважаемый,— господин Храт Сломанный Клык действительно горный мастер?

— Да,— почти незаметно улыбнулся Кертал.— Я был одним из его наставников, чем горжусь. Храт не просто горный мастер, а носитель легендарных алых мечей Ярости. Крылатый носитель.

— Тех самых? — мгновенно охрип офицер.

— Да.

Череп помотал головой, неверяще глядя на мастера-наставника. Потом перевел ошалевший взгляд на спокойного, как дерево, Храта и низко поклонился ему, как кланяются только самым уважаемым старейшинам. Тот кивнул в ответ, хотя еще совсем недавно не поверил бы своим глазам, если бы ему поклонился командир одного из самых прославленных боевых полков Оркогра. Офицер окинул взглядом сопровождающих посла горных мастеров и приподнял верхнюю губу, обнажив клыки. Один почему-то закутался в плащ, скрыв лицо капюшоном.

— Это мой кровный брат,— глухо сказал Храт, уловив заинтересованность черепа.— Его присутствие необходимо. Прошу помнить о дипломатической неприкосновенности!

— Как скажете, уважаемый посол.— Офицер окинул еще одним подозрительным взглядом закутанную в плащ фигуру.— Прошу за мной.

Посольство не спеша двигалось по улицам Рурк-Дхалада. Здесь было на что посмотреть — дома, вырезанные неизвестным способом прямо из скал, высились на десятки этажей. Их формы были самыми разными, человеку в голову бы не пришло, что отполированный до блеска каменный шар или причудливая, перекрученная геометрическая фигура — на самом деле жилой дом. Здешняя архитектура напоминала архитектуру Замка Воинов или Пирамиды Испытания. Та же холодная, нечеловеческая чуждость.

Наверное, в этом страшноватом городе нужно было вырасти, чтобы полюбить его. Даже Храт чувствовал себя здесь не в своей тарелке, его родной Мрок выглядел совсем иначе, его строили сами урук-хай привычным образом. Куполообразные крыши, дома, походящие издали на шатры кочевого племени. Давным-давно орки позабыли о временах бродяжничества по степям, а вот дома все еще строили по-старому. Однако постепенно новые веяния проникали и в архитектуру, в последние двадцать лет в городах Оркограра начали попадаться здания с пирамидальными крышами, как в империи, или пагоды, как в Даркасадаре.

Храт настороженно поглядывал по сторонам, ожидая нападения. Он пребывал в готовности, в полумедитации, картаги тихо пели в ножнах гимн алой Ярости, ожидая мгновения, когда их носитель сорвется в танец смерти. Император сказал, что все увиденное в черной пирамиде — наваждение, но молодой орк ему не поверил, слишком живо помнил свое изгнание и презрение на лицах старейшин. Неужели все это привиделось? Непохоже. А раз так, его ждет здесь смерть. Император посмеялся над его страхами, и Храт замкнулся в себе, дав слово, что не позволит драгоценным сородичам убить Тинувиэля. На какого дорхота его величеству понадобилось отправлять эльфа вместе с остальными в Оркограр? Непонятно. Здесь ведь каждый готов в ключья порвать «остроухую сволочь»...

Горожане завороженно смотрели на элианское посольство, но многие из них раньше видели людей вблизи. Все казалось в чужаках странным — и отсутствие клыков, и бледная кожа, и мягкие, кошачьи движения. Но особое потрясение вызывал молодой сумрачный орк с регалиями посла и шнурком младшего горного мастера. Урук-хай негромко гудели, переговариваясь и пытаясь понять, из какого он рода и клана, этот герой, совершивший невозможное. Они бы охотно понесли Храта на руках, выражая свое искреннее уважение, но впереди послов шел череп Диких Котов, и никто не решился нарушить порядок — слишком уважали горожане егерей.

Внезапно из толпы выбралась на удивление симпатичная девушка, что отметили даже люди, небольшие клычки совсем не портили ее. Точеную фигурку подчеркивали полупрозрачные алые шаровары, перетянутые на талии широким синим кушаком, — женщины урук-хай никогда не носили платьев, относясь к ним с величайшим презрением. Орчанки издавна были боевыми

подругами своим мужчинам, деля с ними тяготы кочевой жизни. Девушка несла в руках две пары переложенных домашним сыром лепешек. Именно такие вручали возвращающимся с войны героям. Получить их считалось величайшей честью, далеко не каждому, совершившему подвиг, предлагали рхад-роторх — хлеб воина.

Красавица смущенно улыбнулась, показав аккуратные клычки, и вручила первую пару лепешек командиру полка Диких Котов. Череп низко поклонился, с благодарностью принимая подношение. Если бы у девушки была только одна пара, то ее вручение, помимо всего прочего, означало бы еще и предложение любви. Любовь предлагали тому, кто получал последнюю или единственную пару. И эту-то пару красавица, потупив глаза и зардевшись, сунула в руки онемевшему от неожиданности Храту. Молодой орк приоткрыл рот от изумления, взял лепешки и с трудом выдавил из себя положенные по обычаю слова благодарности. Он не знал, куда деваться от смущения, толпа вокруг одобрительно вопила, на него сыпались сотни советов, от которых покраснел бы самый отъявленный развратник. Из-под капюшона плаща шедшего рядом эльфа доносилось ехидное хихиканье. Уши бы оборвать наглой сволочи! Храт не знал, что ему и делать — от дара рхад-роторх не отказываются. Отказаться — это все равно, что прилюдно плюнуть девушке в лицо, обозвав шлюхой.

— Я с благодарностью принимаю твой дар, красивая...— пробурчал Храт, смирившись.— Только я еще не знаю, где меня поелят.

— В посольском квартале, в здании имперского посольства,— поспешил вмешаться череп, глядя на молодую пару с явно заметным одобрением.— Подходи туда вечером, красивая, тебя пропустят, я предупрежу посольскую стражу.

Командиру полка не раз доводилось бывать на месте парня. Первый раз, похоже, вон как смутился, бедняга, весь красный. А ведь сделал невозможное... Надо бы поговорить с ним как-нибудь, интересно, чему его научили в империи. Носитель алых мечей Ярости! Надо же. Древняя сказка оказалась правдой. Увидеть бы их своими глазами. В руки, понятно, никто, кроме владельца, картаги взять не рискнет: сгоришь ни за гмырхову душу. Но посмотреть очень хочется, до дрожи.

Череп, оказавшись в безвыходной ситуации, не раз мечтал о чуде. Только вот чуда ни разу не случилось, своими силами вы-

карабкался. Зато теперь вот случилось. Трудно поверить, но молодой орк со шнурком младшего горного мастера — вот он! Живое свидетельство тому, что можно достичь невозможного. Достиг ведь этот парнишка? Значит, и другие смогут. Храт Сломанный Клык станет примером множеству юных урук-хай. Давно пора сходить с империей ближе, тем более что элианцы издавна демонстрируют искреннее дружелюбие, не раз приходили на помощь в тяжелые моменты. Вспомнить хотя бы голод десять лет назад. Прислали ведь множество кораблей с продовольствием, сказав: «Расплатитесь, когда сможете...» Понятно, что Кагал Старейшин постарался расплатиться как можно быстрее, не любил орки быть в долгу, но запомнили помощь, о которой не просили. И оценили. Люди, ничтожные люди, сами узнали о беде народа урук-хай и помогли. Конечно, помог император с Советом старших мастеров, а не народ Элиана, но все-таки.

Командир полка снова покосился на девушку, лукаво и многообещающе поглядывающую на Храта, и незаметно усмехнулся. Малышка умница, что решилась. Кто она, интересно? Кажется, младшая дочь старейшины Громха Пьяного Пса. Красивая девочка, ничего не скажешь... Может, сумеет стать для молодого горного мастера чем-то большим, чем просто случайной подружкой. Видно же, что он считает своим домом скорее империю, чем Оркограр, а это не очень хорошо. К тому же парень явно чего-то боится. Наготове. Не дай Создатель Миров чего не так сказать, сорвется в вихрь смерти, как горные мастера любят называть бой мечей. И справиться с ним будет ой как непросто...

Посольство двинулось дальше. Девушка на прощание чмокнула Храта в щеку, отчего он совсем уж смутился, и убежала. Эльф отпускал соленые шуточки, от которых орк готов был на стену лезть. По прибытии в посольский квартал он собирался настучать принцу по шее. Зараза ушастая! Откуда в нем столько ехидства? От Санги заразился никак... Так рыжий молчит. Храт не понимал, что Тинувиэль отвлекает его от мрачных мыслей. Орк после выхода из пирамиды мрачнел с каждым днем, считая себя изгоем. Ему слишком тяжело дался сделанный выбор.

Урук-хай вокруг стояли молча, многие кланялись Храту, но он не замечал этого, погрузившись в невеселые мысли. Снова перед глазами стоял обьявивший его изгоем Хранитель Очага. А ведь вскоре молодой орк предстанет перед Кагалом Старейшин. Как они встретят изгоя? Пусть даже в ранге посла, но все равно — изгоя. Храт нервно поежился. Эльф бросил на него встрево-

женный взгляд и принялся зло вышучивать друга. Настолько зло, что тот сразу забыл о своих страхах, пылая праведным гневом и жаждой надрать шутнику уши.

Одна улица сменялась другой. Причудливые формы домов давно перестали удивлять, не было, наверное, во всем Рурк-Дхаладе двух одинаковых зданий, каждое имело какую-то свою изюминку. Но ближе к центру города и башне Кагала Старейшин дома постепенно принимали все более привычный, традиционный вид. Орков вокруг не становилось меньше — наоборот, слух об урук-хай, ставшем горным мастером, несся по столице, привлекая новых зевак. А уж дети вообще сходили с ума. Мальчишки и девчонки с восторгом смотрели на Храта с крыш и кричали: «Слава!» Молодой орк еще не знал, что одним своим появлением с черным шнурком на плече заслужил именную надпись на Стене Героев, на которую заносили имена лучших из лучших.

— Это здание посольства, господин посол, — повернулся к Храту череп, показав на башнеподобное, круглое здание, окруженное высокой оградой в два человеческих роста. — Нам запрещено заходить туда без приглашения.

— Благодарю! — поклонился молодой орк. — Вы оказали мне честь, сопроводив сюда. Я с детства наслышан о подвигах Диких Котов и их легендарного командира.

— Пустяки, — улыбнулся офицер. — Я бы хотел как-нибудь поговорить с вами.

— Почему бы и нет? — тоже улыбнулся Храт. — Только не могу сказать, когда. Не знаю еще, что ответит Кагал Старейшин. Возможно, встретимся завтра вечером, если, конечно, не придется срочно отправляться обратно. Большая война началась.

— Война? — Череп прищурился. — Невеселое известие. Что ж, будем делать, что должно. А вы, если освободитесь, приходите в таверну «Три тролля», она недалеко от наших казарм, любой покажет. Я там обычно вечерами бываю. Завтра точно буду.

— Хорошо, — снова поклонился Храт. — Пусть ваша дорога окажется ровной!

— И вам того же.

Кертал постучал в ворота. Прошло несколько минут, прежде чем калитка в воротах приоткрылась и оттуда выглянуло заспанное лицо стражника. Увидев перед собой мастера-наставника боевого братства и двух эльдаров, бедняга замер на месте, растерянно хлопая глазами.

— Сообщите господину послу о прибытии его коллеги,— холодно приказал старый мастер, с брезгливостью глядя на неряшливого стражника — распустились тут без присмотра, придется заняться, навести порядок.

— Ага...— едва выдавил тот.— Шас...

И тут же исчез. Храт с Керталом вошли в калитку. Ничего необычного, двор как двор, только мостовая слишком уж ровная. Зато само здание посольства выглядело непривычно — цилиндрическая невысокая башня из темного камня, кажется гранита, увенчанная тремя шпилями разной высоты. Вскоре круглая входная дверь распахнулась, и наружу выбежал высокий лорд Морен ар Архан, постоянный посол Элианской империи в Оркограре. Это был полноватый человек небольшого роста с сильной проседью в волосах, в роскошном шелковом костюме. За ним следовала целая туча народу — секретари, охранники, даже повара, кажется.

— Здравствуйтесь, ваша светлость! — поклонились новоприбывшие.

Лорд поклонился в ответ, окинув их заинтересованным взглядом. Случилось что-то серьезное, раз император прислал посла, облеченного чрезвычайными полномочиями. Когда он понял, что послом является орк со шнурком горного мастера, то запылулся, даже глаза протер... Однако урук-хай сопровождали мастера-наставники и эльдары, а значит, ошибки не было.

— Приветствую уважаемого коллегу...— растерянно пролепетал лорд, продолжая с недоумением смотреть на Храта.

Орк снова поклонился.

— Пройдемте внутрь,— прервал расшаркивания Кертал.— До встречи с Кагалом Старейшин и Хранителем Очага нам необходимо проконсультироваться с вами, ваша светлость. Надеюсь, вы знаете, кто из старейшин чем дышит?

— Конечно, знаю,— кивнул посол.— На то меня и посылают сюда его величество. А что случилось-то?

— Война. Карвен, Нартагаль и Даркасадар объединили силы и напали.

— Ясно,— помрачнел посол.— Справиться с ними будет не просто, насколько я понимаю?

— Увы,— развел руками старый мастер.

Внутри башня была обставлена привычной имперской мебелью. Интерьер явно создавал человек с великолепным вкусом, все подходило по цвету и форме — уверенное в себе богатство, к

которому привыкли за бессчетное число поколений. Высокий лорд ар Архан уже десятый год был послом империи в Оркогра-ре и больше жил в Рурк-Дхаладе, чем дома, поэтому обустроил свое жилище со всем возможным удобством.

Посол проводил Кертала и побратимов в свой кабинет, оказавшийся большой, приятного вида комнатой, все стены которой занимали стеллажи с книгами. Были и удобные кресла, и шкафы со спиртными напитками, и шахматный столик... Явно убежище заядлого книжника и жизнелюба.

— Итак, господа, я слушаю вас,— негромко сказал посол после того, как все расселись.

Гости откинули капюшоны плащей. Глаза лорда слегка расширились при виде эльфа. Но, решив, наверное, не обращать внимания на странности, он промолчал.

— Его величество поручил нам обратиться к Хранителю Очага за помощью.— Храт помрачнел.— Если урук-хай вступят в войну на нашей стороне, то отразить нападение на север империи станет проще. Есть еще несколько причин, но я не имею права говорить о них, извините.

— Вы думаете, Кагал согласится? — Лорд прищурился, наливая всем вина.— Слишком много фракций там, кланы тянут одеяло каждый в свою сторону, особенно в последнее время.

— Посмотрим.— Кертал пожал плечами, о чем-то напряженно размышляя.— Пока рано говорить. Прошу только описать самые крупные фракции Кагала и кого они лоббируют.

Посол приступил к рассказу. Двумя самыми сильными группировками в Кагале Старейшин были представители кланов Волчьего Когтя и Черного Ветра. Все остальные примыкали то к одному, то к другому. Если Волчий Коготь по какому-то поводу говорил «да», то Черный Ветер тут же отвечал «нет». И наоборот. Интересы кланов постоянно менялись. Все, как у людей. Но в одном орки от людей все же отличались: как ни грызлись между собой старейшины, они никогда не ставили свои интересы выше интересов страны, сразу забывая все распри, если дело касалось чего-то важного для всего народа. К тому же окончательное решение все равно оставалось за Хранителем Очага, которого старейшины избирали из своей среды сроком на десять лет. Дважды этот пост не занимал никто и никогда. Задачей Хранителя Очага было следить, чтобы споры и разногласия кланов не нанесли вреда стране — когда-то орки на этом сильно обожглись и запомнили отрицательный опыт.

Говорили долго. Много требовалось обсудить перед аудиторией у Хранителя Очага. Храт был откровенно удивлен, он и не подозревал о вражде кланов и их интригах. Всегда воспринимал Кагал Старейшин как единое целое, а они, оказывается, вовсе не едины. Неприятно. Только теперь Храт понял, какую волну поднял, высказавшись на военном совете. Вот ведь дурак, нет, чтобы молчать себе, вылез... Теперь только и остается есть большой ложкой собственноручно заваренную кашу. Кушай, дорогой, пока не подавишься! Посол, надо же!.. Да из него посол, как из гмырха танцовщица! Едва девятнадцать исполнилось, опыта никакого. Император с эльдарам обучали учеников анализу происходящего и выбору оптимальных решений, но реального опыта это не заменяет. Хоть ты тресни, не заменяет! Слава Создателю Миров, что с ними мастер Кертал, если бы не он — было бы совсем тошно.

Когда совещание закончилось, Храт с радостью завалился спать, так как ночью, скорее всего, этого сделать не удастся. Красавица не даст. Вообще-то говоря, он был ничуть не против, совсем даже наоборот, только слишком уж неожиданно все вышло. Раньше такая девушка и близко не подошла бы к ничего не значащему юнцу, а если бы он попытался ухаживать, только презрительно фыркнула бы. Снились молодому орку всякие непотребства, о которых он никому и никогда не решился бы рассказать.

— Эй, хватит спать! — разбудила его выплеснутая на лицо кружка ледяной воды.

Храт с воплем распахнул глаза. Над ним стоял гнусно хихикающий Тинувиэль.

— Убью паскуду остроухую! — взревел орк, подхватываясь с кровати.

Отловив обнаглевшего эльфа, он принялся награждать шутника подзатыльниками, менторским тоном рассказывая ему о том, что нельзя будить усталых орков посредством ледяной воды, что за это кое-кто может и без длинных ушей остаться, а то и по сопатке схлопотать. Принц уворачивался, продолжая посмеиваться.

— Тебя там девушка красивая дожидается, а ты, дурень, дрыхнешь, — соизволил наконец сказать он, легко выскальзывая из захвата.

— Так чего ж ты сразу не сказал, зараза?! — снова взревел Храт, кидаясь к зеркалу и лихорадочно пытаясь хоть как-то привести себя в порядок.

Эльф комментировал его безуспешные попытки таким образом, что орк рычал от возмущения. Достал! Ну достал же! И откуда в нем сегодня столько ехидства? Съел что-нибудь не то, что ли?

В дверь постучали. Храт вскинулся, но едва успел развернуться, как в комнату вошел камердинер в ливрее цветов дома ар Архан. Низко поклонившись, он сказал на плохом урук-хее:

— Прошу вас, уважаемая госпожа.

В дверь проскользнула давешняя девушка. Красавица явно не теряла времени зря и выглядела еще обольстительнее, чем днем,— орк едва не задохнулся. Полупрозрачные шаровары не скрывали, а скорее, подчеркивали линии идеальной фигуры. Широкие бедра, тонкая талия и полная грудь... Юная орка была редкостно хороша собой, что отметил даже эльф. Он и сам бы не отказался провести с ней ночь — небольшие клычки скорее возбуждали, чем вызывали отвращение.

— Здравствуйте, господин Храт,— смущенно прошептала девушка, стреляя, однако, лукавыми черными глазами по сторонам.— Благодарю, что приняли мой дар...

— Здравствуй, красивая...— проворчал орк, все еще пытаясь пригладить торчащие во все стороны волосы.— Это мне тебя благодарить нужно. Как тебя зовут? Меня — Храт из клана Сломанный Клык.

— Я знаю,— улыбнулась она.— А меня зовут Сана. Я из клана Пьяный Пес.

— Очень рад.— Храт показал клыки, демонстрируя дружелюбие.

— А я Тинувиэль! — вылез эльф.— Кровный брат этого вот хмыря здорового.

— Ты еще здесь, зараза ушастая?! — покосился на него орк.

— Ой, я так ревную, ты такой неверный...— томным голосом пропел принц, закатывая глаза.— И на кого ты меня променял, любимый?

— Чего? — растерялся Храт, не поняв поначалу, что имеет в виду эльф. А когда понял...

Бедный орк сперва побагровел, потом позеленел, потом побелел. Он представил, что может подумать бедная девушка, и ему стало плохо. А если еще и слухи пойдут...

— Убью гада! — от бешеного рева задрожали стекла, а виновник, нагло хихикая, выскользнул в дверь, оставив разъяренного урук-хай с носом.

Храт едва сумел остановиться, чтобы не врезаться лбом в стену. Такого испепеляющего гнева он не испытывал еще никогда. Нет, придется с этим ушастым шутником поговорить по душам. Отловить и поговорить. Нужно хоть немного совести иметь! Знает же, как относятся к такому среди орков. Есть вещи, над которыми шутить нельзя.

— Какой странный человек...— удивленно сказала девушка.— Отец с людьми торгует, я их немало повидала. Но с такими ушами еще никого...

Она не поняла! Слава тебе, Создатель Миров, она не поняла шуточки обнаглевшей заразы!

— Разве ж это человек? — раздраженно проворчал Храт.— Эльф это. Редкая скотина, между прочим.

— Эльф?! — потрясению Саны не было предела, орочка усе-лась на кровать и уставилась на горного мастера широко распах-нутыми глазами.— Остроухий убийца? В Рурк-Дхаладе?! Ой, мамочка...

— Да какой из этого барда недоделанного убийца? — помор-щился орк, в который раз прокляв себя за глупость — и кто его за язык тянул-то? — Так, мелкий пакостник. Брат мой кров-ный.

— Правда? — не поверила девушка, слишком страшными чу-довищами были показаны эльфы в орочьих легендах.

— А они нас убийцами детей считают,— понял ее сомнения Храт, немного успокоившись.— Если разобраться, на войне все хороши. Тини рассказывал мне их сказки об урук-хай, жуть про-сто. Мы, когда познакомились, тоже друг друга убить хотели. Потом вместе учились, вместе дрались, вместе рисковали. Брать-ями кровными стали. Обоих...

Он, замолчав, сообразил, что едва не проговорился о том, что изгнан. Как и эльф.

— Наверное, вы правы...— задумчиво сказала Сана.

— Ты бы услышала, красивая, как он поет,— вздохнул орк.— Меня даже на слезы пробивает. Вот ведь наградил Созда-тель голосищем! Мороз по шкуре. Кстати, называй меня на «ты», я не старше тебя. Девятнадцать всего.

— И уже горный мастер?! — восхищенно распахнулись глаза девушки.

— Младший,— поправил Храт.— До старшего пока далеко, нужно еще ученика воспитать. Мне и черный шнурок нелегко

дался... Врагу такой дрессировки не пожелаю. Нам, оркам, труднее все эти финты освоить, особенно растяжку.

— Растяжку?

Храт медленно поднял ногу вертикально вверх. Затем нанес несколько невидимых глазу ударов в воздух. Сана восторженно взвизгнула, глядя на молодого горного мастера с обожанием.

— Никогда не думала, что можно так ногу задрать...

— Это еще мелочи, — проворчал Храт, довольный произведенным впечатлением.

Сана встала и подошла к нему. Ее глаза блестели, дыхание участилось. Орк все понял правильно и обнял девушку, осторожно прижав к себе, хотя не особо представлял, что делать дальше — его еще никогда не одаривали своим вниманием женщины. Дома младшего сына старейшины считали бесполезным гмырхом, юные орочки даже не смотрели в его сторону. В Тарсидаре человеческие женщины просто боялись орка, в отличие от Тинувиэля. Сегодняшняя ночь станет для него первой ночью любви.

Храт зря нервничал, Сана взяла дело в свои крепкие ручки, имея, видимо, достаточный опыт. Да и чему удивляться? Разве останется без внимания мужчин такая красивая девушка? Нет, конечно. А ведь совсем юна, рхад-роторх практикуют девушки до двадцати, после двадцати они обычно выходят замуж. Вскоре Храт забыл обо всем...

Высокие, похожие на колодцы туннели сменялись огромными залами, своды которых поддерживали витые колонны в два-три обхвата. На стенах горели внутренним светом росписи, оставленные неизвестными строителями. Орки не решились трогать такую красоту, только добавили на пустых местах резьбу — лица, напоминающие кошмарные маски.

Посольство не спеша двигалось к родовому залу Рурк-Дхалада, где его в полном составе дожидался Кагал Старейшин, возглавляемый Хранителем Очага. Храт гордо шествовал впереди, облаченный в серо-серебристый плащ со всеми регалиями имперского посла.

Странно, но неуверенность куда-то подевалась. Спасибо Сане, о которой орк вспоминал с нежностью. Не девочка, а чудо просто. Еще одно обрадовало: утром красавица смущенно спросила, не желает ли уважаемый герой, чтобы она стала ему подругой на какое-то время? Герой желал, да еще как! Он, похоже,

влюбился и был этим крайне доволен. Но главное, что Храт больше не боялся идти навстречу своей судьбе. Он сам выбрал. Сам. Никто больше. И если бы пришлось выбирать снова, то его выбор оказался бы тем же самым.

У входа в родовой зал посольство на некоторое время задержали. Храт переглянулся с Керталом, затем покосился на друзей. Элианцы понимали, что сейчас их берут на прицел десятки стрелков. К своей безопасности урук-хай относились очень серьезно, тем более что в Оркограре боялись горных мастеров до дрожи в коленках. Придется вести себя очень осторожно, чтобы не спровоцировать охрану — против нескольких десятков карабинов и горные мастера бессильны: перестреляют издали, как куропаток.

— Чрезвычайный и полномочный посол его величества императора Элиана, Марана Пятого, господин Храт из клана Сломанный Клык со свитой, к Кагалу Старейшин и Хранителю Очага! — громко объявил невидимый распорядитель церемоний, и перекрывающие вход егеря расступились.

Посол поежился и решительно шагнул вперед, сопровождаемый уважительными и даже порой восхищенными взглядами егерей. Со стороны он выглядел внушительно — молодой, сумрачный орк в серо-серебристом плаще, украшенном алмазным шитьем. На его правом плече висели три кисти, обозначающие посольский ранг, на левом — черный шнурок младшего горного мастера. Из-за плеч виднелись рукояти картагов. От Храта не потребовали оставить оружие, урук-хай знали, что горные мастера не расстаются со своими мечами. За послом следовали его кровные братья и мастер-наставник Кертал, последними шли четверо старших мастеров-ветеранов с белыми шнурами.

Храту при виде Кагала Старейшин и трона Хранителя Очага стало не по себе. Дважды в жизни ему довелось бывать в рурк-дхаладском родовом зале. В детстве, вместе с отцом. И две недели назад, во время испытания. Хранителя Очага молодой орк тоже узнал — трудно не узнать того, кто изгнал тебя. Значит, не навсегда... Он едва не сбился с шага, но заставил себя выглядеть невозмутимым.

— От имени его величества Марана Пятого я приветствую Кагал Старейшин и Хранителя Очага! — заговорил Храт, глядя в пространство перед собой. — Да будет наш союз вечным!

— Приветствуем в вашем лице его величество и всю Элианскую империю, господин посол! — встал, опираясь на посох, Хра-

нитель Очага, очень старый, но еще крепкий орк со сморщенным темно-красным лицом, поросшим жесткими черными волосами. — Да будет наш союз вечным!

Краем глаза Храт заметил сидящего на одной из скамей отца и едва не упал от изумления. Его избрали в Кагал?! Когда? Глаза старейшины клана Сломанный Клык светились гордостью. Гордостью за сына, молодой орк понял это сразу. Странное что-то происходит... Хорошо, пусть отца изгоя, что само по себе невероятно, избрали в Кагал. Чудо? Да. Но, наверное, чудо, возможное при каком-то редкостном стечении обстоятельств. Но с какой стати ему гордиться таким сыном? Вот что непонятно. Растерянный Храт повел глазами по скамьям, на которых с удобством расположились сто двадцать старейшин самых крупных кланов Оркогра. Все они смотрели на молодого орка с явно заметным одобрением.

— С какой целью его величество прислал чрезвычайного и полномочного посла? — спросил Хранитель Очага, сверля Храта взглядом маленьких желтых глазок.

— Карвен, Нартагаль и Даркасадар без объявления войны напали на империю, первые морские бои уже идут, десанты Альянса готовятся к высадке. К сожалению, пока еще неизвестно, где они высадятся, но Манхен будет атакован однозначно. Также вполне вероятно нападение на Яриндарский полуостров, находящийся неподалеку от Оркогра. Империя Элиан обращается за помощью к союзникам!

Старейшины негромко загудели. Известие о большой войне очень встревожило их. Каждый понимал, что случится с Оркогаром в случае поражения империи. Морские промыслы, земледелие и охота давали не более двух третей необходимого стране продовольствия, все остальное поставляли элианские купцы. О том, что случится, если эти поставки прекратятся, не хотелось даже думать.

Кертал досадливо поморщился. Предупреждал ведь, что нельзя говорить прямо, что нужно осторожно подвести старейшин к цели посольства. Все забыл, идиот молодой. Да уж, из орка дипломат, как из него самого танцовщица. Какого дорхота император назначил послом Храта? Что задумал его величество? Вечно он что-нибудь как выдумает...

— Народ урук-хай никогда не оставлял друзей в беде, — осторожно сказал Хранитель Очага, резко помрачнев. — Но о какой

конкретно помощи идет речь? Помощи оружием? Транспортom? Или?..

— Не знаю...— опустил голову Храт.— Я не хочу ничего скрывать. Я случайно оказался на военном совете и услышал, что имперские генералы опасаются союзника, вместо того чтобы попросить о помощи. Меня это возмутило, никогда народ урук-хай не поступал вопреки законам чести, и я высказался. Тогда его величество и назначил меня послом...

Старый мастер чуть не схватился за голову, проклиная про себя краснорожего дурня. Совсем с ума сошел? Да как можно говорить такие вещи Кагалу?! Ой, что будет-то... Остальные имперцы тоже возмущенно уставились на Храта.

— Я рад твоим честным словам, мальчик! — Хранитель Очага довольно оскалился, переходя на «ты». — Благодарю за то, что ты выступил в защиту чести своего народа.

— Разве я мог поступить иначе? — Храт опустил голову.— Пусть я изгой, но все-таки орк...

— Изгой?! — Хранитель Очага едва не выронил посох.— Кто и когда тебя изгнал? За что?

— Как кто? — растерялся молодой горный мастер.— Вы сами и изгоняли... Чуть больше декады назад. В этом самом зале.

— Я?! Мальчик, да ты в своем уме?

— Храт! — не выдержал Кертал.— Тебе же его величество сказал, что это было наваждение! Не поверил. Вот ведь дубина упрямая! Ну ничего, вернемся, я тебе устрою веселую жизнь. Ты у меня дни последних тренировок как праздник вспоминать будешь!

— Всегда пожалуйста! — просиял молодой орк, осознав, что его и в самом деле никто не изгонял.

— Приношу свои извинения уважаемому мастеру-наставнику,— прищурился Хранитель Очага,— но не могли бы вы просветить меня на тот счет, откуда у юноши столь странные идеи возникли?

— Испытание...— вздохнул Кертал.— Оно нелегко дается. И главное даже не боевое мастерство, а проверка, способен ли ты совершить подлость во имя выгоды. Храт увидел себя здесь, в рурк-дхаладском родовом зале. Сначала его чествовали, как героя, а потом Кагал приказал ему предать кровного брата. Не смертельно, просто остановить, не дать пройти испытание. А иначе — изгнание. Вы сами понимаете, что выбрал парень. Если бы он выбрал предательство, то с полигона не вышел бы. Жесто-

ко, но иначе нельзя. Подлец не должен владеть боевыми искусствами.

— Согласен, — негромко сказал Хранитель Очага, затем повернулся к Храту: — Неужели ты так плохо думал о нас, мальчик? Как ты мог поверить, что мы можем потребовать от тебя предать брата?

— Вы не знаете, кто мой брат... — Молодой орк побагровел от стыда, кляня себя за глупость.

— Кем бы он ни был.

— Да? — Глаза Храта вспыхнули алым огнем. — Тини, сними капюшон!

Вперед вышла закутанная в плащ фигура с черным шнурком младшего горного мастера на плече и резким движением сдернула капюшон. На Кагал Старейшин посмотрели огромные миндалевидные глаза эльфа. Острые уши стояли торчком, на красивом лице отображалась решимость. «Остроухий! — пронесся по родовому залу ошеломленный шепоток. — Чудовище! Убийца!»

— Наши народы тысячи лет воюют друг с другом, — мелодичным голосом сказал принц. — Наши предки убивали друг друга миллионами. Может быть, хватит? Сколько можно? Вот перед вами стоим мы, эльф с орком, кровные братья! Посмотрите на нас! Я за Храта жизнь отдам.

— А я — за него! — гордо выпрямился тот.

— Да, теперь я понимаю, почему ты мог подумать о нас плохо, мальчик... — Хранитель Очага потер подбородок. — Но я никогда не потребовал бы от тебя подлости, даже по отношению к остроухому. Разве что от этого зависело бы выживание всего народа.

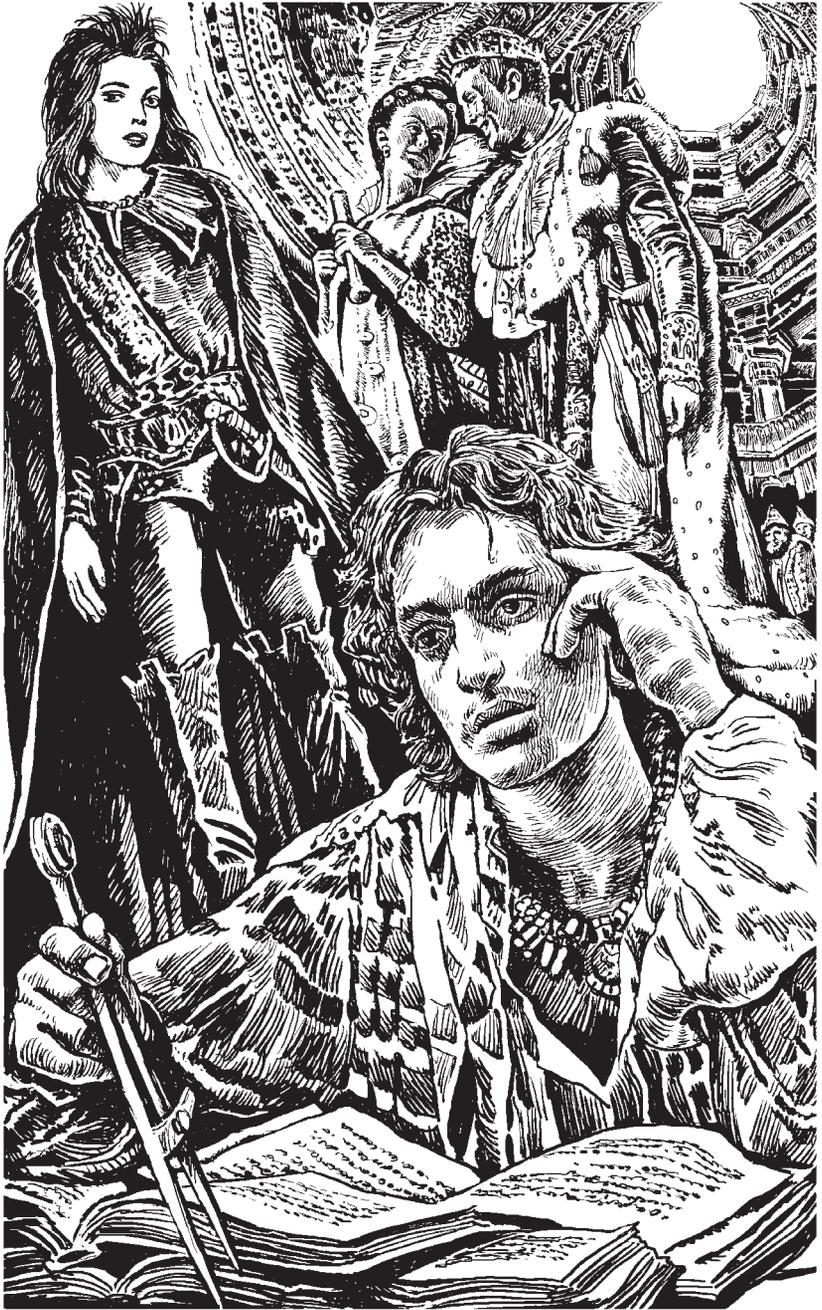
Старый орк подошел к Тинувиэлю и осторожно дотронулся до щеки эльфа. Принц не отстранился, глядя ему прямо в глаза.

— Что ж, мальчик, спасибо за то, что преподал нам, дурням старым, урок... — Хранитель Очага тяжело вздохнул. — Ты прав, мы тысячу семьсот лет не видели ни одного эльфа, а продолжаем по привычке считать вас зверьми и убийцами...

— Не слышали вы наших сказок об урук-хай. — Тинувиэль мелодично рассмеялся. — Вот уж чудовища там изображены... И до знакомства с Хратом я в эти глупости верил.

— А как не верить-то? — Старый орк криво усмехнулся. — Предки ведь так учили... Только вот и своей головешкой думать надо уметь. Что ж, ты заставил меня задуматься. Еще раз спасибо.

• Навстречу
судьбе •

ПРОЛОГ

Все вокруг застыло в неустойчивом равновесии. Маги по всему миру с трудом приходили в себя после случившегося несколько дней назад. Каждый, хоть немного владеющий магией, ощутил открытие Черного Портала, инициацию Пятерых и потрясающие воображение заклятия Радужного Дракона. Правда, мало кто из колдовской братии понял, что произошло на самом деле, только самые знающие и опытные сумели выяснить кое-что. Остальных просто шарахнуло так, что многие лежали пластом уже неделю.

Война затихла сама собой. Паладины на всякий случай отошли от стен южных цитаделей. Карвенские священники пытались понять, что им делать дальше, — заговор завершился неудачей. Да, старого императора все же убили, но появился новый, от которого еще неизвестно, чего ждать. Кочевники тоже не пожелали лезть на рожон: шаманы ощутили все «радости» магической бури и предупредили ханов, что происходит что-то необычное. Те дураками не были и решили не рисковать. На Манхене среди войск Альянса царило замешательство — маги нартагальского Ализиума, на которых возлагали столько надежд, находились в шоке, не будучи в силах хоть что-нибудь предпринять. Давно запланированное наступление сорвалось, и это бесило командование донельзя. Впрочем, там тоже нашлись здравомыслящие люди, предпочитавшие не рисковать без надобности. Пусть хоть что-нибудь для начала прояснится, тогда можно будет и рискнуть. Если шансы на победу появятся.

Расколотая пополам империя замерла в напряженном ожидании. Новый император пока ничем не проявлял себя. Заговорщики контролировали города центра страны, юг находился в руках императорских войск, а на севере шла партизанская война. Очень даже активная. Порой один городок за день трижды переходил из рук в руки. Однако крупные города — Вартидар, Сартидар, Нерлаван и Яриндар — продолжали удерживать гвардейские полки империи под командованием мастеров-наставников боевого братства. Но они изнемогали под ударами мятежников, которых поддерживали высадившиеся неподалеку войска Карвена и Нартагала. А помощи все не было. И никто не знал, придет ли она вообще...

Глава 1

ПРОЩАНИЕ С ПРОШЛЫМ

За столом, заваленным бумагами, сидел очень старый и очень усталый человек. Он мрачно глядел в стену, закусив губу. Страна рушилась на глазах, все его усилия не приводили ни к чему. Многие решения оказались ошибочными и только усугубили положение. Свое дело старик знал хорошо, но править империей— вовсе не его дело! Где этот гмырхов император шляется, кем бы он там ни был? С момента объявления о смерти его величества Марана прошло больше десяти дней, а Сантиар так и не изволил объявиться в столице. Ох, ничего нет хуже смены правителя во время кризиса...

Ланиг ар Вортон раздраженно потер виски и отпил глоток круто заваренного ларта из любимой закопченной деревянной кружки, полученной им из рук полкового интенданта больше пятидесяти лет назад, во времена завоевания северного побережья Манхена. Многие подчиненные удивленно косились на простую солдатскую кружку всесильного главы имперской тайной стражи, не понимая, отчего ходячий кошмар повсюду таскает с собой такое убожество. Они не знали, сколько воспоминаний было связано у него с этой кружкой. Однажды она даже спасла старому мастеру жизнь.

Отряд, в котором тогда служил Ланиг, отдыхал после тяжело-го сражения. Бойцы развели костры и налили себе вина, чтобы отметить победу и немного расслабиться — нечасто на войне выпадают минуты отдыха. В этот момент умирающий шаман горцев, на которого никто не обратил внимания — лежит себе в сторонке еще один убитый, самое обычное после боя дело,— создал на последнем издыхании ледяную молнию, желая забрать с собой на тот свет кого-нибудь из элианцев. Однако молния ударила в кружку, которой инстинктивно заслонился Ланиг. Как ни странно, она отклонила разряд, и молодой офицер выжил, толь-

ко сильно обморозился. С тех пор он считал эту кружку своим талисманом и не расставался с ней.

Странно все получилось, если разобраться. Вспомнив Марана, старик вздохнул. Неизвестно еще, каким окажется новый император, справится ли со всем, что свалилось на Элиан. Кто он, интересно? Было у Ланига одно нехорошее подозрение, очень уж имя его величества знакомо. Сантиар. Редкое, слишком редкое имя. Не рыжий ли это скоморох? Да нет, Маран хоть и был сумасшедшим, но все же не настолько, чтобы передать корону наглому мальчишке. Или настолько? Глава тайной стражи империи нервно поежился, представив, что его подозрение верно. Рыжий ведь такого наворотит, что всему боевому братству за сто лет не разгрести.

Повезло еще, что в Тарсидар вскоре после смерти Марана наведались несколько магов-телепортистов, посланных ректором Академии, чтобы выяснить, как обстоят дела, и глава тайной стражи получил возможность свободно перемещаться между городами страны, оставшимися под контролем боевого братства. Старик лихорадочно пытался выправить положение, метался, не спал сутками, только у него мало что получалось, хорошо хоть кое-что удалось удержать.

— Сидишь? — послышался от двери ворчливый голос Кертала.— Ну, сиди-сиди, образина старая.

— И тебе того же, хрыч облезлый,— не оборачиваясь, поприветствовал друга Ланиг.

— Замотался я что-то,— тяжело опустил на стул старый мастер.— Ларта нальешь?

— Да вон кувшин стоит, бери,— буркнул глава тайной стражи.— Еще горячий как будто. Что там на севере слышно?

— Понемногу режут заговорщиков, только слишком уж их много. Отряды старших мастеров и невидимок действуют из засад, выбивают командиров, захватывают скорострельное оружие. Два склада уже в наших руках. Разобрались кузнецы с ним — кто-то из инженеров Академии придумал, но над изобретателем посмеялись. А потом он бесследно исчез. Видимо, заговорщики перекупили или похитили его и заставили работать на себя. Зато производили автоматы довольно любопытным образом. Часть деталей через десятки подставных лиц заказывали в Оркограре, часть в Нартагале, часть делали наши мануфактуры. Где собирали, понятия не имею, тут тебе и карты в руки.

— Поищу,— вздохнул Ланиг.— Только не до того пока, сам знаешь.

— Да уж знаю,— покивал Кертал.— Император так и не объявился?

— Нет. Эльдаров тоже нет. Старые мертвы, а новых его величество, похоже, еще не успел наклепать.

— Где он шляется-то?! — взорвался старый мастер.— Что за безответственность такая?!

— Если не забыл, в первые месяцы после коронации император не слишком хорошо себя чувствует,— отмахнулся Ланиг.— Слишком многое получает сразу. В голове полный кавардак. Думаю, парень засел в каком-то замке и вино кувшинами хлещет, пытаясь в себя прийти.

— Да помню я! — досадливо скривился Кертал.— Только не до пьянки сейчас, должно же это долбаное величество понимать, что беда пришла?

— Должно...— тяжело вздохнул глава тайной стражи.— Да, видно, не понимает.

— Ладно, дорхот с ним. От мальчишек никаких известий?

— Как исчезли, так полный молчок,— развел руками Ланиг.— Мало того, девицы их тоже незнамо куда подевались. Как и не было.

— Вон оно как...— опустил голову Кертал.— Не пойму я, что вообще происходит. Эльф говорил что-нибудь толковое?

— От него добьешься! Все загадки какие-то, притчи, сказки. По делу ничего конкретно не сказал, уваливает, скотина остроухая. Одно только я понял. Мальцы наши сумели-таки остановить тварь, которая через Черный Портал лезла. А вот что дальше случилось, Фартаэль и сам не знает. Морду умную строит, а не больше нас с тобой понимает.

— Ясно. Ладно, пойду я. Надо подумать, как северянам помочь, совсем они изнемогают, заговорщики атакуют постоянно. Орочий Кагал предложил ввести несколько полков своих егерей на территорию империи. На Яриндарский полуостров. Как думаешь, соглашаться?

— Пусть вводят, хуже не будет,— обреченно махнул рукой Ланиг.— С орками можно договориться, хоть они своей выгоды и не упустят.

— Вот и я думаю: а не дороговато ли нам их помощь встанет?— вздохнул Кертал, вставая.

Однако уйти ему не удалось. Дверь отворилась, и на пороге возник понурый Санти. Парень выглядел встрепанным, уставлым, под глазами виднелись темные круги. Лицо унылое, как будто он только что кого-то близкого похоронил. Почему-то он

был в плаще с капюшоном, хотя раньше такой одежды не признавал напрочь.

— Ба! — обрадованно всплеснул руками Кертал.— Кого я вижу! Ты где шляется, дорхот рыжий?!

— Где надо,— буркнул скоморох, падая на стул и без спроса наливая себе ларта.— Добрый день.

— Здравствуй, друг ситный, здравствуй...— покивал Ланиг, потирая подбородок и заинтересованно разглядывая юношу.— Ну, рассказывай.

— А что тут рассказывать? — пожал плечами Санти, с наслаждением выпив горячий напиток.— Пожирателя мы обратно загнали, Черный Портал уничтожили. Потом...

На глазах скомороха появились слезы, он раздраженно вытер их рукавом плаща и отвернулся.

— Что потом? — насторожился Ланиг.

— Мы императора умирающего нашли... Он у меня на руках умер.

— У тебя?! — побледнел, медленно вставая, глава тайной стражи, мгновенно понявший, что это означает.— Что ж, здравствуй, твое величество...

— Ты понял? — горько усмехнулся Санти.— Да, ты понял.

— Почему без маски?

— А то бы ты меня по голосу не узнал! — скривился император.— Или по движениям.

— Значит, все-таки ты...— закусил губу Ланиг. Кертал вообще выглядел оглушенным пыльным мешком из-за угла, глядя на скомороха даже не круглыми, а квадратными глазами.— Причина?

— Больше никого рядом не оказалось,— устало объяснил рыжий.— Почему из нас пятерых Маран выбрал меня, не знаю. Кажется, потому что я носитель Света. Он не рискнул передавать власть Тьме — слишком непредсказуема.

— Кажется? — удивился Ланиг.— Разве ты не помнишь? Насколько мне известно, новый император во время передачи власти получает вместе с магией память прежнего.

— Не только прежнего,— с кислым видом возразил Санти.— Вообще всех императоров, кроме Элиана. Только как мне во всем этом разобраться, а? Я с ума схожу! Не понимаю, где мои воспоминания, где Марана, а где вообще какого-то Оронта, жившего семьсот лет назад!

— Да, тебе не позавидуешь...— сочувственно покивал Ланиг.— Не знаю даже, что и посоветовать.

— Ничего тут не сделаешь! — недовольно буркнул император.— Время нужно. Маран вон после коронации три месяца в себя приходил. Он мог себе это позволить, а я не могу! Знаю, что творится. Потому и пришел.

— А где остальные ребята? — спросил опомнившийся Кертал, все еще недоверчиво покачивая головой.

— В Замке Призраков, приходят в себя после превращения в эльдаров.

— Ты их эльдарами сделал?! — ахнул Ланиг.

— Они сами так решили,— вздохнул Санти, доставая из воздуха кружку с элем.— Будете?

— Давай,— переглянулись старые мастера, сразу вспомнив обычные фокусы Марана. Смотри-ка, и рыжий туда же.— Обоим.

Император поставил на стол еще две кружки.

— Светлая память! — поднял он свою, вставая. Кертал с Ланигом присоединились, тоже встав помянуть Марана. Великий император был и редкостный человек.

— Похороны надо организовать...— некоторое время помолчав, сказал рыжий.— Тело я доставил, оно внизу. Не беспокойся, там я лица никому не показывал, не идиот.

— Сделаем,— кивнул Ланиг, записав что-то в тетрадь, лежавшую перед ним.

Он долго изучающе смотрел на человека, от которого с этого момента в Элиане зависело все. Кто бы подумал год назад, что наглый мальчишка-скоморох, доводивший своими глупыми шутками жителей Тарсидара до белого каления, станет императором? Да нет, такого самый большой фантазер предположить не мог. Справится ли Санти с адской ношей? Восемнадцать лет ведь всего! Да, память и опыт прежних императоров с ним, но поможет ли это? Личность правителя тоже играет огромную роль. Глава тайной стражи сомневался, слишком безответственным был рыжий наглец, слишком увлекающимся. Да что там, просто слишком молодым!

— Докладывай, что у нас делается на данный момент,— буркнул император, садясь.— Да, ту информацию, что я тебе передал, ты провел через свою тарсидарскую канцелярию?

— Ты?! — изумился Ланиг.

— Тьфу, паскудство! — с досадой стукнул себя по лбу Санти.— Маран то есть. Говорю же, не понимаю пока, где мои воспоминания, а где чужие. Но это сути дела не меняет. Та схема срабатывает даже сейчас, несмотря на восстание.

— Передал,— ответил старик.— Потом ликвидировал карвенскую сеть, сделав так, чтобы последним стало известие о получении ценной информации и сама эта информация. Еще через день прошел панический вопль о провале — и все.

— Хорошо...— удовлетворенно покивал император, накручивая на палец свои рыжие волосы.— Очень хорошо. Как думаешь, сожрали?

— Думаю, сожрали! — хитро ухмыльнулся Ланиг.— Святоши уже начали передислокацию войск на Манхене.

— Ясно. Теперь доложи, что в империи.

— Юг, включая столичный и тарсидарский округи, в наших руках,— ответил вместо друга Кертал, продолжая с недоумением разглядывать рыжего бездельника, которого не раз лупил палкой в свое время. И это император? Единый Создатель, спаси и помилуй! — Кевиандар с Гардаром тоже удалось отстоять ценой немалых потерь. Зато центр страны в руках заговорщиков. Север полностью отрезан, бои там продолжают. Через башни связи северяне постоянно просят помощи, они держатся из последних сил, а что мы можем сделать? Я отправил десяток полков морским путем, но когда еще они доберутся?

— Ничего,— злорадно оскалился Санти,— мы с ребятами, в отличие от Марана с его эльдарами, способны перебросить через порталы и целую армию, если понадобится. Носителями первоизданных сил мы остались, да и от Радужного Дракона немало получили.

— Армию?! — взметнулись вверх брови Ланига, он снова переглянулся с Керталом.— Да, порадовал ты меня, твое величество.

— Еще толком не разобрался, что могу, а чего нет,— тоскливо вздохнул император.— Но это точно могу, выяснил уже. Передай северянам, что завтра помощь будет. Пусть держатся! Раньше не выйдет, ребята только к утру прибудут. Да и девчонки.

— Они с вами?

— Где же им еще быть? Недавно пристали как банный лист — делай и их эльдарами. Согласился сдуру, тем более я не в себе тогда был, да и пьян изрядно. Наутро за голову схватился, а поздно. Кстати, извините уж, но заклятие молчания на вас двоих я наложу, верю вам, но все равно наложу. Вы бы нас полюбому узнали, потому и не стал ничего скрывать, а вот другим знать не следует.

— О чем речь,— пожал плечами Кертал.— Считаешь нужным— накладывай. Но вот за то, что колдовал спьяну, драть тебя надо!

— Надо...— грустно согласился Санти.— Сам потом едва не чокнулся. Больше не буду, одного урока хватило с головой. Нет, ну как же это? Я — и вдруг император?! До сих пор поверить не могу, а деваться некуда.

— Да, от этого долга никуда не денешься...— согласно покивал Ланиг.— Рад, что хоть что-то прояснилось. Страну спасти нам, больше некому.

— Это так...— уныло отозвался император.— Эльдары еще нужны, как воздух нужны, у меня их всего двенадцать, капля в море.

— Двенадцать? — переспросил Кертал.— А кто двенадцатый-то?

— Один из старых чудом в живых остался. Я, когда в Замок Призраков после смерти Марана впервые переместился, вдруг зов услышал. Кто-то меня звал, отчаянно звал. Сам не понимая, что делаю, потянулся навстречу, и на полу передо мной появился умирающий человек. Он подсказал, как его вылечить. Счастье, что он выжил, без его опыта не знаю, как ребята справились бы.

— Хоть один опытный человек в вашей беспутной компании!— облегченно улыбнулся Ланиг.— И то благо.

— Есть еще одна вещь, о которой я хочу тебя попросить.

— Какая? — приподнял бровь глава тайной стражи.

— Мы привели с собой из Нартагали парня, — продолжил император.— Помнишь? Эхе кё Сите, второй наследник престола королевства. Где он?

— В Тарсидаре, — с недоумением пожал плечами Ланиг.— В казармах. А что?

— Прошу срочно взяться за его дрессировку. И дрессировать так же, как нас в свое время. Я планирую выучить его на горного мастера и возвести на престол: с Нартагалем все равно придется что-то делать, и свой король нам никак не помешает. Помимо того, парню пригодится опыт тайного, дай ему несколько уроков.

— Сделаем, твое величество. План хорош, ничего не скажу. Могу его вообще в ученики взять, давненько у меня учеников не было.

— Отлично, — резко кивнул император.

— Телепортистов у нас мало осталось, — вздохнул Ланиг.

— Будут. Вскоре будут. Пока придется обходиться теми, что есть. Еще неделю-другую.

— А...

— Не сейчас, поговорить еще успеем, — оборвал старика скомо-рох.— Извини. Скажи лучше, что стоит сделать в первую очередь.

— Покажись везде, где только сможешь,— посоветовал глава тайной стражи.— Попугай народ, чтобы знали — хозяин пришел! Да и люди сразу успокоятся, а то слухи пошли, что императора на самом деле нет. Кое-кто вообще вопит, что империи конец. Только паники нам не доставало в придачу к прочим радостям.

— Покажусь,— зловеще усмехнулся Санти.— Да, канцлера сегодня же в отставку! Ничтожество полное, ни на что не годен. Вызови-ка мне, дружище, главу торговой гильдии. В кабинет канцлера. Срочно!

Это было сказано настолько по-марановски, что Ланиг нервно вздрогнул, подхватился с кресла и поклонился. Когда император говорит таким тоном, следует подчиняться сразу и без пререканий. Несмотря на то что это другой император. Он, видимо, достаточно унаследовал от прежнего. А раз так, то неважно, кем там он был до коронации. Теперь Сантиар — владыка Элиана. Страна пойдет туда, куда он посчитает нужным ее повести. Старик очень надеялся, что это не будет дорога в пропасть.

Император накинул на голову капюшон, его лицо скрыла туманная дымка. Затем помахал старым мастерам на прощание и исчез в портале.

— Как же так? — задал риторический вопрос Кертал, падая на стул.

— А вот так,— развел руками Ланиг, наливая в свою кружку остывший ларт.— Дорхот меня побери, если я хоть что-нибудь понимаю. Ладно, Маран умирал, никого больше рядом не было. Но почему он Энета не взял? Куда лучше было бы, честное слово. Надеюсь, мальчик не наделает слишком страшных ошибок.

— Вот-вот...— мрачно буркнул Кертал.— Только надеяться нам и осталось.

Санти вышел из портала в приемной канцлера. Там орали друг на друга несколько разодетых в пух и прах вельмож. На появившегося императора никто не обратил внимания, кроме секретаря, полноватого молодого человека в сером костюме. Он пискнул от ужаса и сполз под стол.

— Ну, и какого дорхота? — холодно спросил его величество; голос императора был гулким, пробирал до костей, заставлял ежиться.

Вельможи оглянулись, увидели мрачную фигуру в плаще со скрытым туманом лицом и замолчали, став такими же бледными, как и секретарь, осторожно выглядывающий из-под стола.

— Пошли вон! — презрительно бросил император.— Падальщики!

Высокие лорды поспешили выполнить приказ, не решившись сказать ни слова, только раз за разом кланялись, отступая спинами вперед. Один натолкнулся на стену и упал, покинув затем приемную на четвереньках, чтобы не терять времени. Новый император! Кто знает, чего от него ждать? Лучше не рисковать... Прикажет казнить, и все.

— А ты куда? — рявкнул Санти секретарю, попытавшемуся ускользнуть вместе с лордами.— Ко мне!

— В-ваше в-величество...— обреченно проблеял тот, возвращаясь.

— У себя? — показал на дверь кабинета канцлера император.

— Д-д-д-а-а... — с трудом выдавил из себя секретарь, трясаясь, как листок под ветром.

— Иди,— отпустил его Санти.— Можешь искать себе другую работу, твои услуги больше не требуются.

Молодой человек поклонился и опрометью вылетел из приемной. На его штанах медленно расплзлось мокрое пятно.

Император с недоумением проводил его взглядом и пожал плечами. Чего он так боится? Проворовался, что ли? Дорхот с ним, даже если так. Некогда воров наказывать, не время. Санти толкнул дверь кабинета и вошел. По воспоминаниям Марана он знал, чего ждать. Несусветная роскошь. С какой стати прежний император терпел этого бесполезного человека в канцлерах? Сам по себе и пальцем не шевельнет, любое дело делает только из-под палки. Нет, ему такой канцлер не нужен.

За монументальным столом напротив входа сидел вальяжный седой мужчина в шелковых одеяниях. Услышав звук открывшейся двери, он буркнул, не поднимая головы от бумаг: «Я же сказал, я занят!»

— Встать! — приказал Санти.

Увидев перед собой императора, канцлер судорожно дернулся и пожелтел, обреченно уставившись на туманную маску. Он медленно поднялся на ноги и замер, не зная, куда девать дрожащие руки.

— Ваше величество...

— Здравствуйте, лорд ар Таор,— холодно сказал император.— Хочу узнать, что вы сделали за время кризиса. И не думайте, что раз я не Маран, то не в курсе ваших дел.

— Я не думаю...— вздрогнул тот.— Ваше величество, умоляю снять с меня полномочия канцлера! Я не справляюсь! Простите...

— Рад, что вы сами это признали.— Император вздохнул и посредством несложного заклинания достал из воздуха кувшин с парящим лартом, стащив его прямо из-под носа у Лека, пришедшего на кухню Замка Призраков за тем же. Горец растерянно выругался и погрозил кулаком в потолок, сразу сообразив, кто это постарался.— Будете?

— Благодарю, нет,— помотал головой канцлер.

— Хорошо, доложите состояние дел на сегодня и можете быть свободны. Не забудьте только оставить регалии.

Лорд ар Таор принялся докладывать. По мере того как канцлер раскрывал перед ним картину происходящего в стране, Санти становилось все более не по себе. Экономика империи за прошедшие со смерти Марана двенадцать дней дала основательную трещину. Отсутствие связи с севером и центром страны сыграло свою роль, торговое сословие предпочитало не рисковать, сворачивая операции. Торговля почти прекратилась, в Элиандар, как и в остальные крупные города, уже несколько дней не подвозили продовольствие. Склады были пока полны, но надолго ли хватит запасов? Император считал, что ненадолго, особенно если возникнет паника. Видимо, придется показаться людям, пусть убедятся, что у них снова есть император, выступающий гарантом стабильности. Но в такой ситуации нужен толковый и решительный канцлер. А где его взять? Сам Санти благодаря памяти прежних императоров хорошо владел основами управления и понимал, что любое дело должен делать профессионал. Похоже, лучше главы торговой гильдии никого не найти. Но он стар, и неизвестно, согласится ли везти такой воз.

— Что ж, снимаю с вас полномочия канцлера империи, лорд ар Таор,— негромко сказал Санти, когда тот закончил.

Бывший канцлер с явным облегчением поклонился и достал из сейфа большую государственную печать. Положил ее на стол, затем вынул из кошельки небольшой жезл, указывающий на ранг его владельца. Этот жезл служил ключом к главному имперскому архиву и сокровищнице. Работал только в руках канцлера, утвержденного императором, являясь на самом деле магическим артефактом.

— Благодарю, ваше величество! — С этими словами лорд ар Таор покинул кабинет.

Слухи о появлении нового императора неслись по дворцу, обрстая по дороге бесчисленными, порой вовсе уж несуразными домыслами. Говорили, он с ходу приказал казнить нескольких лордов, швырнул молниями в осмелившихся противоречить,

грозен и страшен, куда грознее и страшнее прежнего. Однако большинство людей ободрило появление грозного императора. Такой сумеет навести порядок!

Собраться с мыслями за кружкой ларта Санти не удалось. Вскоре в дверь постучали, и в кабинет вошел худой богато одетый старик, опирающийся на резной посох черного дерева. Память Марана позволила понять, что перед ним глава торговой гильдии Элиандара, занимавший должность канцлера до лорда ар Таора.

— Ваше величество! — низко поклонился старик. — Мне сообщили, что вы хотите меня видеть.

— Здравствуйте, господин Ратехи, — встал Санти. — Проходите, садитесь. Хотите ларта?

— Не откажусь, — почти незаметно улыбнулся тот. Приятно, когда к тебе хорошо относится сам император.

— Боюсь, мне придется просить вас снова взять на себя обузу — стать канцлером. — Санти, налив старику ларта, сразу взял быка за рога. — Лорд ар Таор не справился в критической ситуации.

— Ох, ваше величество... — тяжело вздохнул господин Ратехи. — Мне почти восемьдесят лет...

— Но больше некому, а страна на грани развала.

— Нужен кто-нибудь моложе и решительнее меня, — отрицательно покачал головой старик. — Могу предложить моего среднего сына. Не юноша, сорок восемь лет, купец и хозяйственник от бога, мне и в голову не приходили многие ходы, им придуманные. Рожден для больших дел, в торговле ему тесно. Не подумайте, что я хочу сыну теплое местечко обеспечить, знаю, что это за адская работа — канцлером быть. Если по-настоящему, конечно. Но Рион справится, изворотливости и смекалки ему не занимать, да и опыта тоже.

— Маран доверял вашему мнению, вы его ни разу не подводили, — негромко сказал Санти. — Последую его примеру. Но спрашивать стану строго. Где искать вашего сына?

— В конторе компании «Ратехи-младший и сыновья», Вторая Зеленая улица, 7. Это в районе Шарадан.

Скоморох знал теперь столицу как свои пять пальцев, потому без труда вспомнил названную улицу. Создав портал быстрым заклинанием, он сунул в кошель регалии канцлера и показал на туманную дымку господину Ратехи. Тот с достоинством проследовал туда. Санти ступил следом и оказался перед большим пятиэтажным домом, украшенным вывеской торговой компании.

Вокруг сновало множество людей. Однако вскоре кто-то заметил мрачную фигуру в плаще с капюшоном, и по толпе побежал опасливый шепоток: «Император! Смотрите, сам император!»

— Прошу вас, ваше величество! — поклонился старик, показав на вход, возле которого замерли двое изумленных до онемения охранников.

Санти вошел, посмеиваясь под капюшоном над потрясенными лицами сотрудников компании, увидевших необычного посетителя. А крупная компания, не одна сотня человек здесь служит. Идти далеко не пришлось, кабинет владельца располагался на первом этаже. Задержать императора никто не осмелился, тем более что его сопровождал отец хозяина. В кабинете Санти понравилось: никакой роскоши, сугубо деловая обстановка. Вошедших встретил средних лет подтянутый человек. Лысоватый, с небольшой темной бородкой, он производил странное впечатление. Ему хотелось довериться, но одновременно казалось, что в душе торговца горит огонь неудовлетворенности. Даже по первому впечатлению было понятно, что этот человек способен на многое.

— Ваше величество! — низко поклонился хозяин кабинета.— Вы оказываете нашей компании огромную честь своим визитом!

— Добрый день! — кивнул Санти.— Я к вам по делу, господин Ратехи.

— Рад служить вам,— снова поклонился тот.

— Ой, оставьте церемонии,— отмахнулся император.— Мне рекомендовали вас как опытного хозяйственника, способного справиться с управлением крупной компанией, находящейся в кризисе. Это так?

— Надеюсь, что так...— неуверенно кивнул торговец. Что имеет в виду его величество?

— Вот я и решил пригласить вас заняться управлением самой крупной компанией мира.

— Это какой же? — изумился Ратехи-младший.

— Империей! — хохотнул Санти.— Предлагаю вам должность имперского канцлера.

— Но...— вытянулось лицо торговца, он неверяще смотрел на его величество.— Я...

— Соглашайся, сынок,— посоветовал из-за спины императора отец.— За твоими компаниями приглядим, не бросим на произвол судьбы. Ты всем нам поможешь, если сумеешь порядок навести. Сам знаешь, что делается.

— Знаю...— вздохнул Ратехи-младший, в его глазах постепенно разгорался огонек азарта.— Раз так, согласен, ваше величество! Давно...— Он замолчал, оборвав себя на полуслове.

— Что — «давно»? — поинтересовался император.

— Давно хотел кое-какие задумки опробовать.

— Вот и опробуйте. Даю вам полный карт-бланш. Действуйте. Но за результат спрошу строго, учтите. Страна на пороге голода, в города перестало поступать продовольствие, у армии недостаточно фуража. Да что я говорю, вы не хуже меня понимаете ситуацию.

— Думаю, понимаю,— резко кивнул торговец.— Но как быть с собственностью лордов на землю? Землевладельцы любые мои серьезные начинания тормозить станут, слишком они им невыгодны.

— Решим вопрос...— В голосе императора слышалась веселая злость.— Немало аристократов испачкано участием в заговоре. Пришло время немного их потеснить. Еще одно. Прошу вас подумать о постройке оружейных мануфактур. Вскоре армия начнет перевооружаться, оружия понадобится очень много. Я говорю об автоматах заговорщиков.

— Но у нас ведь осталась едва ли треть от прежней территории...— прищурился Ратехи-младший.

— Ненадолго,— заверил его император.— Скоро все вернется на круги своя. И карвенская сволочь пожалеет, что полезла. Я ничего прощать святошам не намерен. На сей раз империя раздавит Карвен окончательно. Хватит!

— Очень рад слышать,— широко улыбнулся торговец.

— В таком случае не будем терять времени. Именем Элианской империи! Рион Ратехи-младший! Готовы ли вы принять регалии имперского канцлера?

— Готов, ваше величество! — опустил на одно колено тот.

— Клянетесь ли вы честно исполнять возложенный на вас долг? Клянетесь ли вы приложить все свои силы, знания и умения ради процветания родины?

— Клянусь!

— Да будет так! — вытянул вперед жезл канцлера Санти.

Вокруг жезла появилось желтоватое свечение, оно постепенно светлело, пока не стало белым. Затем окутало фигуру торговца. Из ниоткуда прозвучало несколько звучных аккордов, польхнула молния, и все закончилось.

— Поздравляю, господин канцлер! — сказал император, вручая жезл.— Вот большая государственная печать. Прошу, не теряя времени, заняться делом: необходимо как можно быстрее возобновить поставки продовольствия. Еще раз повторяю: вы имеете неограниченные полномочия!

— Сделаю, ваше величество! — низко поклонился торговец.

Обговорив с канцлером еще несколько важных вопросов, Санти попрощался. Слишком много ему предстояло сделать сегодня. Глава торговой гильдии с сыном после исчезновения его величества в портале долго сидели молча. Старик смотрел в глаза изумленному своим неожиданным взлетом Риону и ободряюще улыбался. Тот на секунду опустил веки, обещая отцу сделать все, что только в его силах.

Император вихрем пронесся по стране, кое-кого воодушевив, а кое-кого и напугав до икоты. Двух высокопоставленных воров из Инара он поймал на месте преступления — вывозили в свои поместья предназначенное для армии продовольствие — и без промедления отправил на плаху. Таких жалеть нельзя, все изгадят и уничтожат, если не уследишь. Помимо того Санти побывал на севере, в Вартидаре и Яриндаре, лично пообещав мастерам-наставникам помощь не позже завтрашнего дня. Те сразу оживились — сил почти не осталось. Заговорщики постоянно подводили новые войска из центра страны, где высадилось несколько карвенских паладинских корпусов, и продолжали атаковать. Император даже навестил осажденные города Манхена, заверив командиров гарнизонов, что им осталось ждать совсем недолго. Он и в самом деле готовил святошам сюрприз. Надолго запомнят!

Вернувшись в Элиандар, Санти решил немного передохнуть. Вышел из портала в безлюдной подворотне и снял капюшон. Вскоре на одном из торговых проспектов Элиандара можно было заметить улыбающегося юношу с рыжими курчавыми волосами и веснушчатой физиономией. Он шел и насвистывал какую-то незатейливую мелодию.

В голове толпились обрывки мыслей. Санти и сам не знал, кто и что он сейчас. По крайней мере, не прежний безответственный мальчишка. Слишком много знаний и горького опыта передал ему Маран, умирая. Да и от Радужного Дракона кое-что досталось, не все забылось после разделения.

Много о чем надо было подумать. В первую очередь необходимо найти себе занятие для обычной жизни, когда он не высту-

пает в роли императора. Прежний был горшечником, редким мастером по фарфору. А он? А он — скоморох! Несмотря ни что, скоморох. Шут. Паяц. И никем иным не будет. Да и можно ли найти лучшее прикрытие? Вряд ли. Труппу хорошую только подыскать надо, что далеко не так просто.

Купив у уличного разносчика горячий пирог с мясом, Санти с наслаждением вонзил в него зубы. Проголодался! Съел, но одного пирога оказалось мало, здоровый желудок требовал еще. Найдя поблизости небольшой трактир, скоморох зашел и заказал себе плотный обед. Отсутствие поставок продовольствия сразу сказалось на ценах — содрали в полтора раза больше, чем обычно. Рыжий заплатил не торгуясь, деньги его не волновали, они появлялись в карманах императора по мере необходимости. Насытившись, он откинулся на спинку удобного стула и принялся не спеша цедить эль, незаметно подменив трактирное пойло элем из Замка Призраков. После него любой другой казался ослиной мочой.

Он вслушивался в разговоры горожан: интересно ведь, что думают простые люди о последних событиях. Слухи о появлении нового императора катились по столице, обрадовав многих элианцев, надеявшихся, что вскоре все вернется на круги своя, что его величество справится с творящимся безобразием. Но были и сомневающиеся, как без них. Санти едва сдержал смех, слушая мрачные пророчества чумазого углежога, сидевшего за соседним столом.

Внимание привлекла группа разномастно одетых людей, осторожно вошедших в трактир. Казалось, они ждали, что их сразу погонят прочь. Судя по повадке, скоморохи. Свои. Точно, кое-кто нес с собой цирковой реквизит. Скорее всего, обнищавшая труппа, только сегодня добравшаяся морем до столицы. Возглавлял циркачей огромного роста человек. Наверное, его так и называли во время выступлений — человек-гора. И чем-то он был знаком. Рыжий нахмурился, пытаясь вспомнить, а вспомнив, расплылся в широкой улыбке. Ему было меньше десяти лет, когда труппа Балдура долго выступала вместе с другой — труппой Джако Большого, старого приятеля отца Санти — Вила Эрхи. Джако был редкостным силачом, жонглировал гирями, которые обычный человек и поднять-то не мог. Он тоже хотел забрать мальчишку к себе, но Балдур не согласился, сказав, что дал слово умирающей женщине позаботиться о ее ребенке.

Подхватив свою кружку, Санти направился к облюбованному скоморохами большому столу. Подойдя, он задорно улыбнулся.

— Тебе чего, парень? — хмуро спросил человек-гора.

— Вы меня не узнали, дядя Джако? — весело вздернул бровь Санти.

— Рыжий, наглый, обаятельный... — озадаченно поскреб затылок тот. — Ну вылитый Вил. Сын, что ли?

— Точно! — рассмеялся юноша. — Помните, мы на севере вместе выступали? Я у Балдура в труппе тогда был.

— Помню! — встал и облапил его Джако. — Здравствуй, малец. Санти, кажись?

— Ага.

— Балдур тоже в столице?

— Не, — помотал головой рыжий, придвигая себе стул. — В Тарсидаре живет, не выступает давно, все разбежались по другим труппам.

— Ясно... — покивал Джако. — Жаль, хороший акробат был. А сам-то кто?

— Акробат, жонглер и паяц.

— В какой труппе сейчас?

— Пока ни в какой, — вздохнул Санти.

— А давай к нам! — загорелся было человек-гора. — Нам как раз паяц новый нужен. Хотя...

— Что?

— У нас сейчас даже фургона нет, — грустно вздохнул силач. — В заваруху угодили недалеко от столицы, почти весь реквизит потеряли, сами едва ноги унесли. Чего зимой делать станем, ума не приложу...

— Зато у меня фургон есть, — улыбнулся Санти. — Думал свою труппу собрать, да молод я больно. Может, объединимся?

— Буду рад... — удивленно глянул на него Джако: на такое везение он никак не рассчитывал.

— А реквизит подкупить можно, немного денег имеетя.

— Да и у нас кое-что найдется, — согласился человек-гора. — Прошлый сезон на удивление неплохим выдался.

— Вот и хорошо, — снова улыбнулся Санти.

Удачу следовало хватать за хвост сразу. Лучше и не придумать, чем в знакомой труппе оказаться. Не все, конечно, знакомы, но и одного Джако за глаза хватит. С остальными познакомится со временем. Циркачи жили дружно, иначе проклятым Церковью людям никак нельзя — и так проходу не дают. Вспомнив о проклятии, Санти дал себе слово поговорить с отцом Теларином о снятии анафемы со скоморохов. Но сперва нужно в той же Церкви порядок навести. Ох, Единый, столько всего сделать

нужно, слов нет. Где только время и силы взять? Он поежился. А деваться некуда — император. Стисни зубы и делай. И никому не смей показывать своей слабости, как бы плохо тебе ни было.

— Знакомься,— прогудел Джако, показывая на красивую, миниатюрную женщину с роскошными черными волосами и взглядом опытной стервы. Зеленые глаза взирали на мир с дерзкой насмешкой, как бы говоря: «Вот она я! Такая, как есть. Хотите, принимайте. Не хотите — идите к гмырху под хвост, мне и без вас хорошо». — Это Делия, канатоходец и воздушный акробат.

— Приветствую, сударыня,— поклонился Санти.

— А за «сударыню» можно и по морде схлопотать... — заметила она, с чисто женским интересом оглядывая атлетическую фигуру парня.

— Ты поберегись! — расхохотался гигант. — Делия у нас сердеедка знатная, многих охомутала.

— Джако! — возмутилась акробатка. — Что за свинство?! Я в твои личные дела не лезу, и ты в мои не лезь!

— Да разве я лезу? — весело хмыкнул тот. — Я парня просто предупреждаю, чтобы поосторожнее с тобой был.

— Я сама разберусь, кому со мной поосторожнее быть, а кому и нет,— недовольно буркнула Делия. — Ты, малый, из труппы Балдура, говоришь? Знала я его.

— Ага,— кивнул Санти. — Только труппы больше нет. Мне недавно по случаю фургон неплохой достался, вот и решил к вам присоединиться, как раз сезон скоро.

— Война... — вздохнула женщина. — До сезона ли теперь?

— Закончится когда-нибудь,— отмахнулся рыжий. — Понятно, к святошам соваться не след, сразу на костер спровадят.

— Там поглядим,— пессимистично пожала плечами Делия.

— А меня Риком кличут,— представился сидящий напротив худой парень. — Жонглер я.

— Кин и Алька,— снова заговорил Джако, показывая на очень похожих друг на друга юношу с девушкой,— дрессировщики, акробаты, наездники. Ну, и на подхвате. Брат с сестрой, из старой цирковой семьи. А теперь говорю для всех! Санти у нас паяцем и вторым жонглером будет.

— Фокусника бы нам еще... — задумчиво сказал рыжий. — Да только где ж его, хорошего, взять?

— Да, с тех пор как от нас Чауз ушел, мы без фокусника,— вздохнул Джако. — Прав ты, мало толковых. Кстати, народ, на ближайшей торговой площади ни одной труппы пока нет. Может, выступим? Хоть какую денюгу заработаем.

— Факелами жонглируешь? — деловито спросил Санти у Рика.

— Угу.

— Давай покидаем со сменой рисунка. Как темнеть начнет, красиво получится. Народ визжит от такого.

— Мысль! — согласился Рик, окинув заинтересованным взглядом довольно ухмыляющегося рыжего.

Скоморохи расплатились и вышли на улицу. Начинало темнеть, но людей не стало меньше, наоборот, толпа была настолько густой, что они едва прорывались сквозь нее, стараясь не упустить друг друга из виду. Так ведь и потеряться недолго. А как потом искать? Столица огромная, найти кого-нибудь, если не знаешь, где он может оказаться, невозможно.

Впереди показалась торговая площадь. Гам на ней стоял страшный, торговцы перекрикивали друг друга, спорили с покупателями, пытающимися сбить вспрыгнувшие до потолка цены. В углу Санти заметил невысокий помост, на котором обычно выступали скоморохи. Прав Джако, на нем никого нет. Рыжий пребывал в приятном возбуждении — давно не выступал, очень давно. А хотелось. Всегда хотелось.

— Уважаемый господин офицер. — Джако поклонился стоящему неподалеку стражнику в сером с серебром плаще императорской стражи. — Мы скоморохи...

— Выступать будете? — перебил его тот. — Кстати, очень даже кстати. Народу чем-то поразвлечься надо, а то только и знают, что друг друга пугать. Будку вон видишь?

— Да.

— Подойди, уплати старосте базара два тархема и выступай сколько влезет. Налог — десятая со сбора. Тому же старосте отдашь, он здесь всю ночь.

— Благодарю вас, уважаемый! — снова низко поклонился Джако. Отправив остальных готовиться к представлению, гигант пробрался к будке и заплатил за аренду.

Увидев появившихся на помосте скоморохов, люди сбились вокруг — несколько дней циркачи не появлялись на этой площади. А посмеяться и поглазеть на канатоходцев зеваки были совсем не прочь.

Санти с Риком, как самые младшие, быстро натянули между двумя столбами канат для Делии. Затем распаковали тюки с реквизитом. Рыжий озабоченно покачал головой: да уж, у трупы и в самом деле почти ничего не осталось. Благо в столице есть несколько лавок, которые держат для своих бывшие скоморохи.

Там можно купить все необходимое. Да и о фургоне стоит подумать. Пообещал, а на самом деле его еще нет. Впрочем, это не проблема. Достаточно наведаться в ближайшую войсковую конюшню и распорядиться подготовить. Лучше военного фургона ничего не найдешь. Удобный, большой, непромокаемый, да и стенки двойные, в самые холода внутри тепло будет. Четверка битюгов тоже понадобится.

Жонглеры зажгли факелы и начали перебрасываться ими. Огненные цепочки протянулись в воздухе от Санти к Рику. Зрители восторженно засвистели и захлопали — не каждая труппа имела двух жонглеров и могла позволить себе показать редкостное зрелище.

Джако, наблюдая за сыном старого друга, одобрительно кивал. Молодец парнишка! Настоящий скоморох, от Бога. Но это было далеко не все. Когда Санти начал сольное выступление как паяц, гигант едва не помер со смеху. А уж что творилось со зрителями — и не сказать! Люди валялись на мостовой, колотили ногами по камням, рыдали. Такого шута в Элиандаре еще не видели. Делия чуть не упала с каната, рассмеявшись в самый неподходящий момент, и долго потом возмущенно фыркала.

Когда выступление закончилось, в шапку, с которой обходил зрителей Джако, посыпались монеты. Не только медные, но и серебряные, было даже несколько золотых, что изумило гиганта донельзя — ни разу такого сбора не видел! Да, рыжий парнишка — ценное приобретение. С таким паяцем труппа не останется без куска хлеба, как частенько случалось, особенно во время путешествий из города в город. Деревенские были скуповаты, да и священники порой сразу выгоняли скоморохов из деревни, не желая терпеть присутствие отлученных от Церкви. Поселиться бы в столице, да нельзя — ни одному циркачу не разрешалось задерживаться в Элиандаре дольше чем на месяц. За этим внимательно следила стража, проверяя документы труппы ежедневно. Снова Церковь постаралась, будь она неладна.

Повеселевшие скоморохи сняли три комнаты в трактире неподалеку, затем поужинали. Санти, воспользовавшись неразберихой, незаметно отошел в сторону, накинул капюшон и телепортировался в главную столичную войсковую конюшню переговорить с конюхами. Те, потрясенные явлением самого императора, пообещали расстараться и подготовить особый фургон — штабной, офицерский, особо удобный и теплый. Данные его величеством монеты они тратить не собирались: куда лучше просверлить дырочку, повесить на шею — и будет талисман на удачу.

Вернувшись в трактир, скоророх лег спать. Утром предстояли похороны Марана...

Вытерев пот со лба, Рина поставила хлеб в печь, закрыла заслонку и устало опустилась на лавку. За окном слышен был звонкий голос младшей дочери — девочка что-то напевала, подметая двор. Уже и за ней всю парни ухлестывают, скоро, наверное, сваты придут. Красивые у них с Марни дочки уродились, многие на них заглядываются. Только мужа, как всегда, дома нет. И где его, бродягу эдакого, носит? Две недели назад ушел утром без предупреждения, и с тех пор— ни слуху ни духу. Появится ли еще или сгинул где-то?

В последнее время все валилось у Рины из рук, перед глазами постоянно стояло лицо грустно улыбающегося мужа. Той ночью она проснулась, сама не зная отчего, и успела увидеть выходящего из спальни Марана. Почему-то показалось, что ушел он не в дверь, а в клубок тумана рядом с ней. Женщина вдруг ощутила резкий укол тоски... Подумалось, что видит его в последний раз. С тех пор эта мысль не давала Рине покоя. Она надеялась, что ничего плохого не случилось, но чувствовала себя отвратительно.

Когда под вечер объявили о смерти императора, женщина услышала только одно. Его имя. Маран. Ни разу до сих пор почему-то не обращала внимания, что повелителя Элиана зовут так же, как ее бродягу-мужа. Сердце затрепыхалось, на глазах выступили слезы, Рина столбом замерла посреди улицы. В голове набатом стучало: «Неужели его больше нет? Неужели погиб?»

День шел за днем, а она продолжала вспоминать странности Марана, его внезапные появления и исчезновения. Непонятные оговорки, изредка появляющуюся в голосе и глазах властность, которая совсем не пристала простому горшечнику. Это что же получается, она жила с императором? Да нет, не может этого быть, слишком это, даже для него. Порой возникала мысль, что Маран вовсе не тот, кем хочет казаться, но Рина старательно гнала ее прочь. И так забот хватает, чтобы еще о всяких глупостях думать.

Единый Создатель! Хоть бы все обошлось! Хоть бы вскоре снова скрипнула дверь и на пороге появился он, пропыленный, усталый и такой родной. Рина тихо всхлипнула, затем заставила себя встать. Хлеб скоро поспеет, не уследишь — уголья получатся. Она делала необходимое, но как-то автоматически, ничего не хотелось. Губы продолжали неслышно шептать: «Марни... Где же

ты, бродяга несчастный?.. Где тебя носит, дурень старый? Сидел бы дома, как все нормальные люди в твоём возрасте...»

Носящиеся повсюду неугомонные мальчишки первыми заметили приближающуюся к городу процессию. Они удивленно переглянулись, не понимая, кто бы это мог быть, а затем побежали навстречу. Увидев следующую во главе процессии мрачную фигуру в темно-сером плаще с капюшоном и туманом вместо лица, мальчишки потрясенно замерли. Такого городишко Шадн еще не видел. Император! Сам страшный колдун с какой-то стати посетил ничем не примечательное селение ремесленников. Вскоре процессию увидели взрослые и начали выходить на улицу, бросая все свои дела.

За императором следовали двенадцать эльдаров. А за ними двумя рядами шли шесть мастеров-наставников боевого братства при всех регалиях, несущие на плечах открытый гроб. Только теперь до людей начало доходить, что происходит. Похороны! Похороны прежнего императора.

Горожане ошеломленно загудели, переглядываясь. Каждый житель Элиана знал, что императора обычно хоронят в его родном городе или деревне. Неужели его величество был родом из Шадна? Люди лихорадочно припоминали всех Маранов, когда-либо живших здесь. На данный момент таких нашлось всего трое. Маран-горшечник, Маран-кузнец и Маран-трактирщик. Кто из них?

Похоронная процессия была огромна, тысячи людей шли за гробом императора. Впрочем, не только людей. Жители Шадна видели также множество орков и даже нескольких эльфов. Наверное, эльфов — у кого еще могли быть такие красивые лица, миндалевидные большие глаза и подвижные уши с острыми кончиками? Вскоре горожане поняли, что его величество ведет процессию к дому Марана-горшечника. Да и то, кузнец с трактирщиком стояли в толпе и с изумлением смотрели на гроб. Их сосед, бродяга и весельчак Марни — император?! Да как же это, люди добрые?! Это что же на белом свете-то делается...

Рина как раз вынула хлеб из печи, когда в дом влетела перепуганная Алика.

— Мам! — отчаянно вскрикнула она. — Там...

— Что?! — встрепенулась женщина.

— Там папу принесли... — заплакала девушка, падая на лавку.

Повернувшись к двери, женщина, как сомнамбула, двинулась к выходу. Принесли? Раненый? Или?..

Выйдя во двор, она растерянно замерла, увидев перед собой человека в туманной маске, не сразу поняв, кто он. За его спиной стояли эльдары в серо-серебристых плащах.

— Госпожа! — Император выступил вперед и низко, уважительно поклонился.— С прискорбием сообщая вам, что ваш муж, его императорское величество Маран Пятый, мертв.

Что он говорит? Какое величество? Какое отношение имеет ее Марни к императору? Единый Создатель, спаси и помилуй! Нет. Невозможно. Нет!

Рина пошатнулась. Два непонятно откуда взявшихся молодых человека поддержали ее под руки, не давая упасть. Затем подвели к гробу. Несущие его мастера-наставники опустили на колени, чтобы женщина могла увидеть тело. Она мелкими шагами приблизилась, все еще не веря, все еще надеясь, что это неправда, что это какая-то глупая ошибка. Только не Марни... Только не он! Однако, увидев покойного, сразу поняла — нет, не ошибка. Он. Мертвый. За что, Создатель?! Рина протянула дрожащую руку и осторожно коснулась холодной щеки мужа. Его больше нет... Не войдет больше в дом, не засмеется, не обнимет и не поцелует. Она потерянно смотрела на застывшее лицо Марана, затем заметила золотой обруч короны на седых волосах. Седых? Но ведь он, когда уходил, не был седым...

— Что же ты пережил перед смертью, родной мой, что поседел? — прошептали непослушные губы.

— Держись, мам... — положил ей кто-то руку на плечо. Она обернулась и упала в объятия сына.

Слезы наконец прорвались, и Рина глухо завывала. Ее не интересовало, что Маран — император. Его больше нет, и неважно, кем он был. Был. Страшное слово, горькое и безнадежное. Оторвавшись от сына, женщина снова подошла к гробу. Погладила руку мужа. Его большие, трудолюбивые, знакомые до последнего шрамика руки. Такие родные. И мертвые. Рина наклонилась и поцеловала холодный лоб Марана. Слезы текли из глаз, не давая видеть, но она молчала — дыхание перехватило. Сын не отходил от матери, поддерживая ее.

Хотя ему самому очень хотелось плакать, Итор из Шадна, теперь Итор ар Маран, лейтенант элитного гвардейского полка «Серые Псы», держал себя в руках. Маму утешить надо. Этим утром его разбудили до подъема и приказали срочно явиться к полковнику. Там молодого человека ждал эльдар, сообщивший о смерти отца. И о том, что он сам теперь ненаследный принц, так как его отец был императором. Рыцарь престола увел онемевше-

го от таких известий Итора в туманную дымку портала, и он оказался в зале, где шло прощание с Мараном V. Только увидев лицо лежащего в гробу человека, лейтенант поверил, что ему сказали правду. Сколько раз ругался с отцом, требуя, чтобы тот перестал бродяжничать, оставался с матерью, а оно вон в чем дело. Не мог он. Долг. Тот долг, что превыше жизни.

Кто-то сказал молодому офицеру, что с этого момента ему принадлежит какой-то там замок с угодьями, но это прошло мимо сознания. До того ли? Самый родной человек в мире погиб. Его убили какие-то сволочи. И теперь перед Итором нет иного пути, кроме как стать горным мастером и служить родине вместо отца. Как сможет.

Рина продолжала гладить руки мужа. Сердце рвалось из груди прочь и нестерпимо болело. А потом вдруг показалось, что кто-то с небес ласково улыбнулся и позвал ее.

— Я слышу, Марни... — прошептала женщина. — Я иду к тебе. Не уходи, подожди меня там...

Она с трудом встала с колен, подошла к сыну, обняла его и шепнула:

— Позаботься о сестрах. Хорошо, малыш?

— Конечно, мам. А...

Он не успел договорить. Рина как-то странно, горько улыбнулась, подняла лицо к небу и едва слышно сказала:

— Я иду к тебе, Марни!

И рухнула навзничь. Итор с императором кинулись к ней, столкнувшись лбами. Спустя несколько минут его величество медленно встал. Немного помолчал и глухо бросил:

— Мертва.

— Мамочка... — растерянно пролепетал Итор, стоя на коленях над телом Рины. — Мамочка! Да как же это?! Да за что, Единый?! Ее-то за что?!

— Она ушла к твоему отцу, — положил ему руку на плечо император. — Она слишком его любила, не смогла остаться здесь без него... Держись, парень, теперь семья на тебе.

Лейтенант не слышал его, он рыдал, целуя морщинистую руку мертвой матери. Вот так за один день остался круглым сиротой. Мама, что же ты наделала?! Как же это ты?

— Мама! — Отчаянный крик младшей сестры заставил Итора встрепенуться. Он едва успел подхватить Алику, кинувшуюся к Рине.

Девушка рвалась из рук брата и кричала. Санти молча стоял, сжав кулаки, ему не по себе было от этого захлебывающегося,

прерывистого крика. Ничем ведь не поможешь. Вся сила императора была сейчас бесполезна, как ни горько это сознавать. Он просто стоял, давая детям Марана выплакать свое горе. Да, похороны будут двойными... Никак не думал. Помнил, насколько любила мужа Рина, но не понимал, что она может вот так уйти. Надо было осторожнее. Принесли гроб без предупреждения — и на тебе. Что теперь делать? А ничего. Ничего здесь не сделаешь.

Император вышел со двора и оглядел замершую невдалеке толпу горожан. Многие женщины плакали, но большинство молчало.

— Люди! — заговорил его величество. — Вы видели. Их нужно похоронить вместе. В одном гробу. Нужен гроб. Кто-нибудь может помочь?

Жители Шадна задвигались, заволновались и вытолкнули вперед невысокого, худого человека.

— Я гробовщик, ваше величество! — поклонился он. — Сделаем. Часа за два. Могилу мы тоже выроем.

— Спасибо! — В голосе императора слышались слезы, люди как-то сразу это поняли. — Он погиб как герой. Он всех нас собой закрыл. Если бы не он, и вы, и я были бы уже мертвы...

— Светлая память... — негромко сказал кто-то.

Люди наконец-то поверили, что знакомый до последней черточки односельчанин Маран был грозным повелителем Элианской империи. Значит, он отдал жизнь, защищая других? Да, он мог, всегда приходил на помощь в беде. Никогда не отказывал.

Санги пребывал в каком-то тумане. В горле застыл горячий комок, который он никак не мог сглотнуть. Он вспоминал человека, перед которым преклонялся. Его слова, смех, жизнь. Но были не только свои воспоминания. Воспоминания Марана тоже всплывали наверх. Вот он юный послушник, растерянно стоящий перед разъяренным настоятелем, обнаружившим писания эльдара. Вот он ученик горшечника в Шадне. Вот он впервые увидел Рину — молодую, красивую, озорную. Вот он стоит перед умирающим императором и принимает на себя бремя власти. Годы забот и ни минуты отдыха. А потом гибель.

Большой гроб сделали очень быстро, за какой-то час. В него бок о бок уложили Марана с Риной. Они выглядели умиротворенными, спокойными, обретшими друг друга.

Император первым подставил плечо под гроб. К нему присоединился владыка Эльварана, Фартаэль, и два орка, послы Оркогара в Элиане. Последними были Кертал с Ланигом.

Процессия двинулась к небольшому кладбищу Шадна. Дороги Санти не запомнил, он продолжал вспоминать, глотая слезы. Слава Единому, никто этого не видел — император не имеет права плакать! Никогда и ни при каких обстоятельствах! А если и плачет, то никто не должен видеть его слез.

Горные мастера один за другим шли мимо гроба, стоящего на подставке у свежевыкопанной могилы, отдавая своему повелителю последние почести. Они салютовали мечами, многие кланялись поклоном величайшего уважения. Потом с покойными попрощались жители Шадна.

Санти первым бросил на крышку гроба горсть земли и отошел. Он смотрел на идущих мимо могилы людей и продолжал молча плакать. И вспоминать все, что случилось за эти двенадцать страшных дней, прошедших после смерти императора.

Глава 2

ЗАМОК ПРИЗРАКОВ

Медленно поднявшись на ноги над мертвым телом Марана, Санти отчаянно разрыдался. Он плакал, прощаясь с великим человеком, прощаясь со своей прежней жизнью и своими надеждами. Впереди ждало что-то страшное и непонятное, что-то такое, о чем рыжий скоморох никогда и подумать не мог. За что это? Почему так случилось? Почему он?! Ответа на безмолвный вопль никто не дал. Сознание плыло, не в силах воспринять все, что втиснули в него закланием передачи власти.

Друзья, стоявшие неподалеку, встревоженно переглянулись и кинулись к Санти. Приблизившись, они замерли, потрясенно уставившись на мертвого императора. Трудно было представить, что его больше нет. А что станет с империей? Ведь новый император не коронован. Ни одному из них и в голову не приходило, что повелителем Элиана стал их друг.

— Умер... — глухо сказал Лек, вытирая слезы рукавом. — Умер...

— Да, умер... — не менее глухо подтвердил Санти.

— Светлая память... — Голос Энета дрожал.

— А теперь чего делать? — спросил еще не пришедший в себя после слияния Храт. — Мы же в пустыне, и воды ни хрена нет. Как бы мы тут рядом с ним не легли...

— Выберемся! — одернул его Тинувиэль. — Не до того пока.

— Извините...— смущенно буркнул орк.

— Храт прав,— встряхнулся Лек.— Выбираться отсюда все равно надо. Радужным Драконом нам уже не стать, он приходит только в случае большой беды.

— Ты еще не понял? — глухо спросил Санти.

— Что я должен был понять? — растерялся горец.

Скоморох откинул голову назад и хрипло, каркаяще расхохотался. Затем его тело подернулось туманной дымкой, через несколько мгновений превратившейся в темно-серый плащ. Санти накинул на голову капюшон, и его лицо скрыла туманная маска.

— Теперь понял? — прогрохотал гулкий голос.

— Задницу габта на мою голову! — отшатнулся Храт, запнулся и уселся на песок.

Остальные трое ничего не сказали, только ошалело хлопали глазами, не поверив тому, что видят. Однако пришлось поверить— перед ними действительно стоял новый император. И это был не кто иной, как рыжий Санти! Лек опомнился первым. Он вынул картаги из ножен, опустился на одно колено и отсалютовал его величеству. Затем примеру наставника последовали Энет, Храт и Тинувиэль.

— И что мне со всем этим делать? — тоскливо спросил скоморох, убрав туманную маску.

— Что должен,— пожал плечами горец.— А вот что делать нам? Маран просил тебе помочь...

— Здесь и думать нечего! — резко бросил граф.— Раз Санти император, то нам быть его эльдарами. Эльдаров же не осталось!

— Согласен! — послышался сбоку мелодичный голос Тинувиэля.

— И я,— буркнул орк, все еще неверяще тряс головой.— Куда ж я от вас, гмырхов линиялых, денусь-то?

— Ты прав,— хмуро согласился Лек.— Мы с тобой, рыжий. Держись.

— Спасибо...— слабо улыбнулся Санти.— Спасибо вам, ребята... Тогда сейчас в Замок Призраков отправимся. Да и тело туда переправить надо, чтобы сохранить до похорон.

— А это что такое, Замок Призраков? — озадачился Храт.

— Императорский замок на острове Ужаса, Тардаваге.

— Где?! — икнул от такой новости Энет.— Ты в себе, величество?

— В себе, в себе,— заверил его скоморох, скорчив ехидную мину.

Удивление графа было понятным: ни один корабль не мог приблизиться к Тардавагу, знаменитому острову Ужаса, как прозвали его суеверные моряки. Вокруг него бушевали страшные шторма, прибрежные воды скрывали в себе сотни рифов, берега были неприступны — сплошные скалы. Но и этого мало: если какой-нибудь сорвиголова все же пробирался через рифовый пояс, его вдруг охватывал беспричинный ужас, и бедняга уносился прочь от Тардавага на всех парусах, рассказывая потом в портовых тавернах всякие небылицы. Давно уже никто не делал попыток высадиться на огромном острове, несмотря на все его возможные богатства. Ходили слухи, что там живут какие-то страшные чудовища.

Существовал еще один подобный остров — остров Демонов, Кхардаваг, над которым моряки иногда видели призрачную черную фигуру ростом до неба и замирали от ужаса, надеясь, что выходец из ада не тронет их. Если не пытались приблизиться к берегу, то и не трогал. А вот если пытались... Выжившие потом рассказывали многое, только мало кто им верил — всем известна страсть моряков к глупым байкам. Но что-то непонятное на этих двух островах все-таки было, что-то не желаемое, чтобы его беспокоили. Здравомыслящие люди и не беспокоили, а дураков не жаль.

— Потому никто и не может на Тардаваге высадиться, что там императорский дворец,— пояснил Санти удивленным друзьям.— Остров защищен такими заклятиями, что ни один маг не разберется. Сам Элиан Завоеватель накладывал. Ты, Лек, на одном из тайных островов — острове Демонов — уже бывал, между прочим. Даже долго жил там.

— Так Замок Воинов на Кхардаваге расположен? — изумился горец.— Никогда бы не подумал...

— На нем, где же еще,— подтвердил император.— Но нам туда не надо. Все нужное в Замке Призраков есть, там и проведу вашу инициацию. В нем еще много чего имеется, даже Маран не знал всего.

— А тебе откуда известно, что знал, а чего не знал Маран? — насторожился Энет.

— Во время передачи власти новый император получает память всех прежних. Кроме Элиана Завоевателя. Позже расскажу подробно, надо спешить, пока я на ногах стою. Скоро свалюсь: передача памяти без последствий не проходит, в башке такая каша, что еще немного — и я вообще соображать перестану.

БРЕМЯ ВЛАСТИ

О, тяжела ты, шапка Мономаха!
А.С. Пушкин. Борис Годунов

Размышления над природой власти — одна из вечных тем литературы, ее архетип. Писатель, находясь не в каком-то замкнутом мирке, им придуманном и созданном, а среди вполне реальных людей, не может не думать о том, почему окружающие живут так, а не иначе, в чем здесь причина, кто ответственен за подобное положение вещей. Естественно, в конце концов все нити сходятся либо к всемогущим богам (Богу), либо к не менее всемогущим царям (правителям). А поскольку всякая власть, как правило, от небес, то и получается, что государь и Бог почти тождественны.

Для России с ее традициями сильной централизованной власти это особенно актуально. Уже начиная с ранней поры своего существования, отечественная литература пыталась создать образ если не идеального (что практически невозможно), то хотя бы благого, положительного правителя. Поучая в преддверии смертного часа чад своих, великий князь Владимир Мономах говорил, что должен знать и уметь настоящий государь, чего он должен опасаться: «Лень ведь всему мать! Если знаешь что-то хорошее, то, лентясь, забудешь и это, а чего не знаешь, тому не научишься». Поразительные по своей справедливости и точности слова для правителя огромного государства. Не с того ли и пошел идеал русского государя — работник на троне. Во весь голос поэты и писатели заговорили о таком в XVIII веке, столетии Просвещения. Примеры были поданы поразительные. В начале «столетья безумного и мудрого» явился Петр I, поднявший Россию на дыбы, указавший ей путь в Европу. «То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник...» Завершило «век, коронованный Голгофой», правление мудрой Екатерины II, упорядочившей и укрепившей все начатое ее великим предшественни-

ком, а после его смерти, увы, на несколько десятилетий преданное забвению нерадивыми наследниками. «Гром победы, раздавайся! Веселися, храбрый росс!»

Кстати, вот еще одна проблема, животрепещущая для нашей истории и действительности. Преемственность власти. История Отечества учит, что главное даже не то, чтобы вовремя явился гений-реформатор. Важно, чтобы на смену ему пришел преемник пусть и не такого же масштаба, но который продолжал бы преобразования великого предшественника. Между Петром I и Екатериной II на троне было столько случайных людей. А после Екатерины?! А уж золотой XIX и серебряный XX века продемонстрировали такие колебания курса государственного корабля, что за голову хватаешься. «Чему, чему свидетели мы были!» Так что неудивительно, что вновь и вновь русские писатели и поэты пытаются осмыслить и проанализировать феномен власти.

Для творчества Иара Эльтерруса эта тема является сквозной и стержневой. На ней держится монументальная эпопея «Отзвуки серебряного ветра», одной из центральных становится она и в книге «Бремя императора». Понятно, ведь эти произведения создавались фактически в одно время. Потому в них есть ряд общих проблем, мотивов, художественных приемов. Возможно, что «Бремя...» отчасти и задумывалось как некий приквел к «Отзвукам...». Трилогия уже издавалась тремя отдельными частями, что противоречило и авторскому замыслу, и логике построения сочинения. Лишь теперь мы смогли прочесть и воспринять и осмыслить весь текст как некое целое.

Уже самое начало произведения настораживает. Молодой провинциал без гроша в кармане, но с большими амбициями и грандиозными планами приезжает в столицу, чтобы сделать карьеру профессионального военного. Здесь он с ходу заводит нужные (а также и опасные) знакомства, обзаводится верными друзьями, влюбляется в прекрасную даму... Что-то до боли знакомое, не так ли? Совершенно правильно, «Три мушкетера». Знаковая книга для поколения сорокалетних, к которому относится и Иар Эльтеррус. Интертекстуальные связи не случайны. Перед нами попытка если не переписать великий роман Александра Дюма, то по крайней мере представить свой вариант событий, перенеся французских мушкетеров XVII века в тридевятое царство, фэнтезийное государство. Зачем? На этот вопрос ответить непросто. Кристаллизация писательского замысла — процесс сложный. Порой автор и сам не может объяснить, чем он

руководствовался, используя именно этот художественный прием, предоставляя читателю и критикам право на свою собственную трактовку. На наш взгляд, элементы сходства «Бремени императора» с «Тремя мушкетерами» должны настроить читающего на определенную волну, дать ему понять, что перед ним не только книга о приключениях молодых людей, вступающих в большую жизнь, но и произведение о «вечных» категориях: дружбе, любви, взаимоуважении, чести, долге, власти — о всем том, на чем, собственно, и зиждется шедевр Дюма-отца.

Если говорить о параллелях, то «д'Артаньяном» в нашем случае является скоморох Санти, а вовсе не более подходящий «биографией» Лек ар Сантен. Хотя у Эльтерруса не все так просто. Начнем с того, что «мушкетеров» у него не четверо, а пятеро. А «Констанций» и того семь! Так что, как ни крути, полной тождественности двух текстов не выходит. И все же, используя сюжетный ход с братанием героев и последующим единением их в обличье радужного дракона, автор из троих персонажей конструирует пару. Итак, «д'Артаньян» «Бремени императора» отчасти вобрал в себя Санти и частично Лека. «Атос» — это горец ар Сантен и столичный аристократ Энет ар Инват. «Портосу» и «Арамису» повезло больше. С первым ассоциируется здоровяк-орк Храт Сломанный Клык, а со вторым — красавчик и сердцеед эльф Тинувиэль Эллевалериз. В принципе этими моментами и ограничивается сходство с книгой Дюма. Умному достаточно. В остальном, создавая характеры героев и второстепенных персонажей, фантаст прибегает к свойственной его творчеству символике.

Среди используемых писателем символов и мотивов главное место занимают цвет, звук и немного меньше нумерология. На этой символике зиждется древнее пророчество о Пяти бойцах внутреннего круга и Семи защитниках внешнего. Каждый из героев соотнесен с конкретной цвето-звуковой гаммой. Санти овеян белым колером Света, Энет — синим Мудрости, Храт — алым Ярости, Тинувиэль — зеленым Жизни, а наставник молодых людей Лек — черным цветом Тьмы. Соответствующие краски вплетены и в ауры боевых подруг пятерки. Поступление каждого нового адепта на службу сопровождается и сложной музыкальной фразой. То же самое происходит и в «Отзвуках серебряного ветра» (музыка сфер, песнь призыва). Можно говорить о несомненном влиянии на Эльтерруса импрессионизма. Его повествовательной манере в целом свойственны повышенная эмоциональ-

ность, чувствительность, балансирующая на грани сентиментальности и мелодраматизма.

В описании интимных чувств автор «Бремени императора» ведет себя более сдержанно, чем в космической эпопее, вызвавшей немало дискуссий именно по этим аспектам. Проявления любви здесь «традиционны», если не считать редкие случаи полигамии, когда у одного героя имеется несколько законных жен. Впрочем, это скорее исключения, чем правило. И все они в достаточной мере мотивированны. Фантаст отказался от излишнего натурализма в описании постельных сцен, что свидетельствует об изменениях, произошедших в его этических и эстетических взглядах. С другой стороны, в трилогии описано совершенно иное, чем в «Отзвуках...», общество. Если в эпопее речь шла о мегакосмической цивилизации, то в «Бремени...» представлено общество, близкое к земному Средневековью. Сильна церковь, похожая на христианскую, и люди живут по каноническим устоям и традициям.

Основной конфликт романа и замешен на традиционном для Средневековья противоборстве светской и духовной власти. Переродившаяся церковь, подменившая исконные догматы веры фальшивками, стремится подмять и переделать под себя вся и все. Дело осложняется тем, что в заговор вступила высшая знать империи, вынашивающая свои планы. Не напоминает ли это коллизии романов Дюма? Фронда, козни знати и высшего духовенства, с которыми приходилось бороться д'Артаньяну со компанией. Вспомним отношения мушкетеров и сильных мира сего. Не единожды судьба Франции и ее властителей оказывалась на острие шпаг неразлучной четверки. Однако никто из друзей, как бы близко ни подошел к венцу, не дерзнул возложить его на свою голову (хотя читатель видит, что такая рокировка могла бы пойти на пользу государству). Эльтеррус же дает своим мушкетерам возможность побыть в королевской шкуре. Причем не одному, а всем сразу.

Оговоримся, что парни не искали трона. Бремя власти свалилось на них неожиданно. И если четверо из компании — потомственные аристократы, имеющие хоть мало-мальское представление об искусстве управления (двое — младшие сыновья правителей своих народов, еще один — отпрыск высокопоставленного имперского чиновника), то Санти, которому непосредственно и была передана власть, принял ее без малейшей подготовки. Хорошо еще, что ему при восшествии на престол была чудесным образом передана память предшествовавших императоров. Но

наибольшую ценность представляют воспоминания покойного императора Марана V, друга и покровителя пятерки. Этот персонаж напоминает столь хорошо разработанный в русской литературе образ «саардамского плотника» Петра I, хотя есть в нем нечто и от вальтер-скоттовского Ричарда Львиное Сердце, и от арабского Гаруна аль-Рашида. Неутомимый труженик, царь-горшечник бродит по просторам своей необъятной державы, помогая униженным и оскорбленным, нуждающимся в материальной и духовной поддержке. Это идеал мудрого государя — власть, идущая к народу и в народ. Символично, что Маран никогда не появляется на людях с открытым лицом. Это не только для того, чтобы не смущать народ, не только в целях преемственности (новый правитель не должен внешне резко отличаться от предыдущего, дабы смена власти проходила незаметно). Но прежде всего, чтобы благодеяния воспринимались как нечто естественное, органично связанное с властью. Мы до того привыкли, что любое хождение правителя в народ сопряжено с обязательной помпой и раздача им мизерной милостыни наперебой прославляется средствами массовой информации, что забываем о том, что это грех гордыни, что подаяние нужно делать не напоказ, а от чистой души и во ее спасение. Таков Маран, и этому у него учатся и его преемники.

Власть развращает, делая негодяями даже изначально чистых и благородных людей. Трудно преодолеть искушение, не оступиться, особенно когда даже ближайšie премудрые и проверенные советники твердят, что не бывает правителя в белых перчатках. Государь непременно должен соединять в себе черты льва и лисички — это прописная истина. Лес рубят — щепки летят и т.д. Все это не раз и не два твердили нам, оправдывая поступки жесточайших тиранов. Дескать, не ради себя, но во имя любезного отечества делалось все. Цель оправдывает средства. И, главное, так все разумно звучит, так убедительно и логично, что нельзя не поверить и не соблазниться. Мятущаяся душа Сантиара I успокаивается, убаюканная этими голосами. Так что — бремя власти пришлось не по силам юношеским плечам и рыжий скоморох спекся? Кто из нас без греха, пусть первым бросит в него камень... Однако Эльтеррус не был бы Эльтеррусом, если бы, проведя героя через последнее испытание, не дал ему возможности остаться человеком. Санти не обагрив рук кровью невинного младенца, после чего шапка Мономаха непременно стала бы для него непомерно тяжелой. Никакое абстрактное высшее благо не стоит детской слезы.

Итак, внутренние враги повержены, границы укреплены и можно было бы наслаждаться плодами мирного труда под сенью правления мудрых монархов. Но... близится из глубин космоса беда, обещающая нам продолжение приключений пятерых «мушкетеров» и их боевых подруг. О чем будет следующая книга? Какие проблемы вдохновят воображение автора и заставят нас поволноваться, наблюдая за тем, как станут разрешаться конфликты? Время покажет...

Игорь ЧЕРНЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ТРОПОЙ МАСТЕРОВ	7
СКРЫТОЕ ПРОРОЧЕСТВО	287
НАВСТРЕЧУ СУДЬБЕ	508
<i>Игорь Черный</i> . Бремя власти	793